Дмитрий Карманов
Я всемогущий
Нереальная проза

Нереальная проза (Снежный ком М)

Дмитрий Карманов

Я всемогущий

«Снежный Ком»

2013

Карманов Д.

Я всемогущий / Д. Карманов — «Снежный Ком», 2013 — (Нереальная проза (Снежный ком М))

Однажды он понимает, что умеет управлять вероятностями. Он способен остаться невредимым в авиакатастрофе. Он может сделать состояние на продаже снега. Ему достаточно пожелать – и президент называет его своим преемником. Террористы сдаются ему без боя, а Папа Римский становится ярым проповедником его идей. И тогда у него остаётся лишь один достойный противник…Перед нами умный и увлекательный роман вполне состоявшегося писателя. «Я всемогущий» – несомненная удача автора. В книге есть место и действию, которое не сводится к банальным приемам «экшн», и философии, перекликающейся с каббалистической картиной мира, и ярким, запоминающимся характерам. Для нас, пожалуй, это самый яркий дебют года.Генри Лайон ОлдиКнига разбиралась на Партенитском семинаре Г. Л. Олди, так что отзыв не маркетинговый, а настоящий.

© Карманов Д., 2013
© Снежный Ком, 2013

Содержание

Часть первая 6
1 6
2 17
3 28
4 36
5 48
Конец ознакомительного фрагмента. 53

Дмитрий Карманов
Я всемогущий

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

1

И я подумал: «К чёрту!»

Встал и пошёл прочь, не оборачиваясь. Параллельно асфальту, обгоняя меня, летел тополиный пух.

Тихо. Неестественно тихо. Мир окончательно выцвел. Я словно попал в фильм-нуар: все оттенки серого вокруг, зернистое небо и холодное белое солнце. И чёрная, чёрная тень под ногами.

Беззвучный запруженный проспект – и я, лавирующий между машинами. Кажется, что все – и пешеходы, и водители, и даже автомобили – все смотрят на меня. И та, что осталась сзади, на скамейке – тоже смотрит. Или это я сам смотрю на себя её – и их – глазами?

Не думать об этом. Я ускорил шаг, почти побежал. Наткнулся на лакированный капот роскошного авто. Внутри ругался шофёр, разевая рот беззвучно, как рыба в аквариуме. На пассажирском месте застыл манекен, перехваченный ремнём безопасности. Да и сам водитель похож на фанерную куклу: деревянные глаза, челюсть на ниточке. Я ударил по капоту и пробил картон насквозь. На лобовом стекле трепетала пушинка.

Я отвернулся. Не важно. Забыть об этом. Уйти. Убежать.

Хотя куда бежать, если любой выход – это вход в тебя самого? Если все двери открываются внутрь?

Выхода нет вообще. Никакого. Никуда. Я обхватил голову. Упал на колени – прямо на асфальт.

– Нет! Не надо этого! – взмолился я. Мой голос гулко отозвался внутри меня, завибрировал, будто гуляя эхом под сводами огромного собора.

И сразу же под рёбрами толкнулось сердце. И пошли звуки – уличный шум, пробирающийся сквозь вату тишины. Провёл рукой по лбу – он оказался мокрым от пота. Над бровью нащупал тополиную пушинку.

– Я запрещаю себе знать! – крикнул я, сминая пальцами её невесомое тельце. – Я отказываюсь мочь! Я хочу назад, хочу в простую, обычную жизнь! Пусть всё это окажется лишь сном!

И стало так.

Самолёт слегка покачивало. В иллюминаторе висело ярко-голубое небо, драпированное снизу белыми, плотными комьями облаков.

Я зевнул и потянулся. Шея затекла, наверное, потому и приснилась вся эта чушь. Я попытался ухватить в памяти остатки сна, но они медузами ускользали от пальцев сознания. Ну и бог с ними, забыть гадкий сон не страшно, гораздо обиднее, когда поутру развеиваются приятные сновидения. А ты лежишь, блаженный и расслабленный, и глупо улыбаешься, непонятно чему.

Я взглянул на циферблат. Оставалось лететь еще больше часа. В кармане впереди стоящего кресла торчал журнал. Я достал его и посмотрел на название.

«Журнал столицы Ра Сама региона». Бред какой-то.

Глянул ещё раз. Название, испорченное изысками дизайнеров, должно было читаться как «Самара. Журнал столицы региона». Заголовок, набранный золотом, – «Губерния строится под новые политические проекты» – не впечатлил.

Я негромко просвистел весёленький маршик, но сбился на втором куплете. Сейчас бы книжку почитать. Что-нибудь развлекательное, но неглупое. Я ещё раз попенял себе, что соби-

рался в командировку впопыхах, не услышав будильника и вскочив только от звонка приехавшего таксиста. Аккумулятор же моего старенького ноутбука умер уже в первые полчаса полёта.

От нечего делать я принялся строить планы на ближайшие дни. В Самаре мне предстояло встретиться с подрядчиками, и график командировки был сбит достаточно плотно. Но в глубине души теплилась надежда, что часть встреч можно будет сбросить на коллегу, вылетевшего из Питера ещё на прошлой неделе. А самому неспешно, самое главное – неспешно, прогуляться по набережной Волги, жмурясь на летнее солнце и рассматривая симпатичных самарских девушек.

Я невольно улыбнулся. Что ни говори, но в самой прозаичной командировке обычного менеджера среднего звена можно найти свои прелести.

Я зевнул. Спать не хотелось. По проходу две стюардессы везли тележку с бутылками газированной воды и пакетами сока.

Самолёт слегка тряхнуло. Затем ещё раз, уже ощутимее. Раздачу напитков быстро свернули, тележку укатили. На световом табло загорелась надпись: «Пристегните ремни». По салону пронёсся шум возни и защелкивающихся карабинов. Стюардесса, успокаивающе улыбаясь, поплыла по проходу, проверяя ремни.

Я лениво пристегнулся. Сосед судорожно возился с застёжкой. Судя по встревоженному виду, бедняга явно боялся летать.

– Не волнуйтесь, обычная воздушная яма, – успокоил я его. Он кивнул, немного расслабившись.

Самолёт вошёл в вираж, меняя высоту, и у меня заложило уши. Поэтому я не сразу уловил момент, когда пропал шум двигателя и в салоне стало тихо. Тишина длилась всего несколько мгновений – тишина и свист рассекаемого воздуха. Но за этот промежуток я успел увидеть глаза стюардессы, округлившиеся от ужаса. Двигатель вновь заработал, но эта картина – всегда спокойная профессионалка, разом превратившаяся в испуганную девочку, – выбросила в мою кровь такую порцию адреналина, что захотелось немедленно вскочить.

Я скользнул взглядом по посеревшему лицу попутчика и выглянул в иллюминатор. Облака оказались совсем рядом – мы резко снижались. Самолёт терял высоту, а мой разум отказывался верить, что я на самом деле – на самом деле! – угодил в авиапроисшествие. Или катастрофу. И сейчас вместе с десятками других пассажиров обречённо жду удара о землю и ничего не могу сделать.

Я рванул ремень, вылез в проход, оглянулся. Стюардесса, уже совладав с собой, успокаивала кого-то в хвосте. Я прошёл вперёд. За шторкой, отделяющей помещение экипажа от пассажирского салона, находился лишь один человек. Невысокий, темноволосый, со шрамом над левой бровью, одетый в форму бортпроводников авиакомпании «Пулково».

Он выжидающе смотрел на меня.

– Что происходит? – Я едва сдержался, чтобы не крикнуть.

Человек помолчал, как бы размышляя, отвечать или нет.

– Я полагаю, отказал один из двигателей, – сказал он печально. – И, видимо, со вторым тоже не всё в порядке.

– И что с нами будет?

– Снижаемся для экстренной посадки. Но скорее всего…

– Разобьёмся?

Он кивнул.

– И что же нам теперь делать?

Вопрос прозвучал жалко. Бортпроводник ответил со спокойствием, показавшимся мне чуть ли не издёвкой:

– Молиться.

Там, за тонкой шторкой, сидели несколько десятков трупов. Всё ещё живых, думающих, чувствующих, но уже – трупов. И я такой же мертвец, как и они.

Но должен же быть какой-то выход. Я посмотрел на задраенный люк.

– Может быть… ну, хоть какой-нибудь парашют есть? – Голос сорвался, вопрос превратился в мольбу.

Бортпроводник пристально смотрел на меня.

Пауза.

Долгая.

– В стандартных самолётах Ту-134 парашюты не предусмотрены, – медленно проговорил он. Снова посмотрел мне прямо в глаза, как будто пытаясь сказать что-то ещё, но сдерживаясь. Наклонился, открыл дверцу ящика и выволок массивный рюкзак с широкими лямками.

Вид невесть откуда взявшегося парашюта лишил меня дара речи.

– Я… не умею им пользоваться, – наконец выдавил я.

– Всё просто. – Самообладанию бортпроводника можно было аплодировать. – Продеваете руки в лямки, этот ремень затягиваете на поясе, этот – на груди, защёлкиваете карабины. Купол раскроется автоматически.

Самолёт сильно тряхнуло, послышался резкий свист снаружи. Я поспешно ухватился за лямки. В голове шумело. Человек со шрамом продолжал объяснять, как нужно поджимать ноги при приземлении. Заметив, что я не слушаю, он оборвал себя на полуслове, подошёл к люку и глянул в иллюминатор.

– Мы уже совсем низко, – сказал он. – И скорость погасили. Можно прыгать.

В животе стянулся плотный болезненный узел. Не ощущая рук, я надел парашют. Всё происходило как в дурном сне, когда ты чувствуешь, что что-то неправильно, но не можешь уловить, что именно.

Бортпроводник с заметным усилием открыл люк. В лицо ударил холодный ветер, заходили ходуном шторки, отделяющие нас от салона. Воздух ревел так, что уже ничего не было слышно, хотя человек со шрамом продолжал что-то говорить, раскрывая рот. Где-то на краю сознания проплыла неуместная мысль о ноутбуке, оставшемся на багажной полке.

На подкашивающихся, словно чужих, ногах я подошёл к проёму. Инстинктивно схватился за что-то, не в силах отвести глаз от открывшейся картины. В те мгновения больше ничего не существовало – только я один на один с проплывающим под ногами пейзажем. Самолёт вновь затрясся, будто поторапливая. Кажется, я всхлипнул, хотя в окружающей шумовой какофонии сам себя не услышал. Сделать шаг в пустоту казалось нереальным. Я мысленно досчитал до пяти. Помедлил ещё мгновение. Наконец, сильно оттолкнулся и выпрыгнул наружу.

Ноги. Свои собственные ноги – это первое, что я увидел, оказавшись в воздухе. Было непонятно, где верх, а где низ. Наконец, изогнувшись червяком, я повернулся лицом к земле.

Сразу же вспомнились рассказы знакомых парашютистов о необычайном, волнующем ощущении свободного полёта. Я мысленно выругался. Какой, к чертям собачьим, полёт, какая там лёгкость или парение! Я чувствовал, каждой клеточкой тела чувствовал, что не лечу, а падаю – в прямом смысле, – падаю, вывалившись из самолёта. Воздух бил в лицо тугим холодным потоком, но казалось, что лёгким его не хватает. Я приоткрыл рот и стал делать глубокие вдохи.

Ледяной молнией по позвоночнику пробежала мысль, что купол до сих пор не раскрылся – а я продолжаю падать. И тут же раздался негромкий хлопок, лямки напряглись, и сверху – я задрал голову – расцвёл оранжевый кружок, показавшийся совсем маленьким.

И стало тихо. Тихо и холодно. Пальцы окоченели, а нос щипало, как на морозе. Я попытался разглядеть местность внизу. Земля была располосована на зелёные и коричневые прямо-

угольники. По правую руку виднелись строения, правда, достаточно далеко. Во все остальные стороны тянулись поля, кое-где перемежаемые полосками деревьев или кустов.

Пока я крутил головой, отыскивая, куда направиться после посадки, земля стала приближаться пугающе быстро. На мгновение я даже подумал, что не лечу на парашюте, а падаю. Пытаясь смягчить удар, я поджал ноги.

При посадке я запутался в стропах, неуклюже перевернулся, больно ударившись ягодицами, и оказался лежащим навзничь на липком от дождя поле, лоснившемся глинистыми пластами вспаханной земли.

Какое-то время я не двигался, постепенно осознавая, что подо мной твёрдая почва, а я – спасся. Спасся взаправду, на самом деле.

Было холодно и мокро, и это подвигло меня действовать. Я освободился от объятий оранжевой амёбы, в которую превратился спасший меня парашют. Поднялся на ноги и огляделся, непроизвольно пытаясь отыскать место падения самолёта. Насколько хватало глаз, вокруг были одни лишь поля. Обзор затрудняли холмы, однако во все стороны вплоть до горизонта не было видно никаких следов крушения – ни пожара, ни дыма. И тихо, лишь посвистывал ветер.

Может, самолёт всё-таки не упал, а сумел дотянуть до аэродрома и приземлиться? В этом случае мой головокружительный прыжок был напрасным.

И тут меня накрыло. Господи, да это же всё происходит на самом деле! Ещё несколько часов назад я ехал в такси по знакомому утреннему Петербургу, отправляясь в банальную командировку. И вдруг я выпрыгиваю – подумать только! – выпрыгиваю с парашютом из гибнущего самолёта и оказываюсь в грязи посреди вспаханного поля, даже приблизительно не понимая, где нахожусь.

Меня затрясло – то ли от пережитого, то ли от холода. Нужно идти.

Но куда идти? Где я? Перевернувшись при приземлении, я потерял ориентацию в пространстве и уже не понимал, в какой стороне были увиденные сверху дома.

Брюки и свитер испачкались в глине. Я скосил глаза вниз. Капли грязи, устилавшие ворот нежно-голубой рубашки, выглядывающей из-под свитера, делали мой вид ещё более жалким. Я ощупал ушибленный зад. Бумажник в заднем кармане брюк остался при мне, паспорт под свитером – тоже.

Надо уже двигаться, хоть куда-нибудь. Я решил взобраться на вершину небольшого холма и сориентироваться уже там.

Мгновенно обнаружилось, что ходить в городской обуви по глинистому, разбухшему от влаги полю – весьма нетривиальное занятие. После каждого шага туфлю, застрявшую в почве, приходилось вытаскивать чуть ли не вручную. Я хотел разуться и пойти босиком, однако земля оказалась слишком холодна для подобных прогулок, да и ощущение вязкой грязи, ползающей между пальцами ног, было не самым приятным.

Добравшись таки до вершины возвышенности, я, к своему сожалению, так и не обнаружил никаких строений. Тем не менее с холма был виден край поля и дорога за ним.

Путь до этой дороги занял у меня не менее получаса; за это время я с ног до головы перемазался в грязи и проклял всё на свете, включая авиационную промышленность и сельское хозяйство. Дойдя до края поля, я увидел глубокую колею в грунте. Идти по ней было немногим легче, чем по вспаханному полю.

Я наугад выбрал направление. Противно крича, в небе кружились вороны, дождь то начинал накрапывать, то прекращал, а я механически месил туфлями комья грязи, передвигаясь с черепашьей скоростью и тупо, в такт шагам, пережёвывал в голове слова привязавшейся популярной песенки.

Казалось, что на целой планете, сплошь покрытой вязкой глиной, я остался один.

Когда откуда-то спереди донёсся слабый шум проезжающей машины, я чуть не заплакал от радости. Автомобиль, впрочем, так и не показался, зато я вскоре добрался до трассы.

Впрочем, «трасса» – это слишком громкое название для ещё одной грунтовой дороги, бывшей, однако, гораздо шире той колеи, по которой я пришёл. Более того, по этой трассе изредка проезжали в одну и ту же сторону большие груженые КамАЗы, водители которых не желали останавливаться и подбирать меня, несмотря на мои умоляющие жесты. Они знаками показывали, что им запрещено брать попутчиков.

Отчаявшись остановить хоть кого-нибудь, я сел на корточки на обочине и застыл в каком-то тупом оцепенении…

– Так почему ты просто не позвонил по мобильному телефону? – спросила Катя, расчёсывая волосы.

– Я пытался. Но телефон там не брал никакую сеть. Да и потом, куда бы я позвонил?

Катя улыбнулась:

– Набрал бы случайный номер. И чудом попал бы на меня…

На дороге показалась очередная машина – на этот раз не грузовик, а новенькая белая «Нива». Я воспрял духом, вскочил и отчаянно замахал. Машина остановилась.

– Довезёте? – выдохнул я, открыв дверцу.

За рулём сидел мужчина лет сорока, судя по одежде, возвращавшийся с рыбалки.

– Довезу, – просто ответил он.

Я забрался в вымытый салон, испытывая мучительную неловкость за комья грязи, сыпавшиеся с одежды и обуви. Водитель, казалось, не заметил этого.

– А куда довезёте? – спросил я, когда машина уже тронулась в путь.

– До Мурома довезу. А тебе куда надо?

– Вообще-то, в Самару.

Я почувствовал его удивлённый взгляд.

– Нет, брат, до Самары ты как-нибудь сам.

«Нива» с задорным упорством преодолевала все неровности дороги, а водитель смотрел вперёд, не особенно заморачивая себя беседой со случайным пассажиром.

И к лучшему. На разговоры меня сейчас, пожалуй, не хватило бы. Я прикрыл глаза, радуясь, что не нужно куда-то ползти, идти или карабкаться. Только ждать.

Я никогда не прыгал с парашютом. Ни разу в жизни. Как-то не довелось. Иногда и подумывалось, что неплохо бы испытать такой полёт, но какие-то иные дела оказывались важнее. Кроме того, я считал, что прыжок с парашютом – это непросто. Нужно проходить долгие инструктажи, знать, что и когда делать, как управлять спуском и как дёргать за кольцо.

Мой же реальный прыжок, произошедший всего пару часов назад, оказался неправдоподобно лёгким. Не зная ничего, я удачно выпрыгнул из «тушки». Хотя раньше мне не доводилось слышать, чтобы кто-то прыгал из больших пассажирских самолётов. Приземлился я тоже благополучно.

Слишком просто всё сложилось. Так не бывает. Наверное.

Я мысленно открутил в памяти сегодняшний день до той минуты, когда заговорил с бортпроводником в самолёте. Возбуждённый до предела, я тогда не придал особого значения одной его фразе. Но она меня задела. Он сказал, что парашюты не предусмотрены – но сразу же после этого вытащил для меня этот самый непредусмотренный парашют. И было что-то в голосе этого человека, в его взгляде. Неуловимо… неправильное.

Да и вообще всё это теперь, при здравом размышлении, казалось нереальным. Спокойный бортпроводник, который вместо того, чтобы усадить нервного пассажира на место, ведёт с ним беседу – это уже само по себе странно. Но полная нелепица – то, что бортпроводник просто так, за здорово живёшь, отдаёт мне парашют, рассказывает, как им пользоваться, и откры-

вает люк. С какой стати он отдал средство спасения именно мне? Не сам им воспользовался, не женщину какую-нибудь или ребёнка спас, а меня?

Я покрутил мысль так и этак, но ни к чему не пришёл. В машине было тепло, и я постепенно согрелся и успокоился.

Дверь. Ты понимаешь, откуда-то знаешь, что не все двери стоит отворять. Но дверь манит. Манит возможностью открыть, увидеть, что там, за ней. Она как яркая обёртка подарка – и тебе не терпится её сорвать, раскрыть, обнажить содержимое.

На этот раз за дверью была просторная институтская аудитория с полукруглым амфитеатром, обнимающим маленькую площадку для преподавателя. Внизу стояли стол и стул рядом с коричневой доской, белёсой от следов мела.

Пусто и гулко. Я поднялся на верхний ряд и сел за крайнюю парту. Наверху было забавно – потолок казался совсем близким, и создавалось ощущение, что ты как будто висишь над аудиторией. Из окон лился грязноватый свет. Там, на улице, было лето, вовсю летел тополиный пух.

Я посидел ещё немного. Поднялся. Пошёл вниз, к выходу. И вдруг увидел, что у стола преподавателя кто-то есть. Какой-то человек, скрипя мелом, вырисовывал огромные буквы на доске.

Я замер. Человек обернулся.

Я узнал его.

Это был тот самый бортпроводник со шрамом над бровью. Свою синюю форму «Пулково» он уже запачкал крошками мела.

Белые меловые крошки. На тёмно-синей ткани.

Ни в коем случае не смотреть на доску! Нужно уходить отсюда. Там, за дверью, я еду в белой «Ниве» по просёлочной дороге.

– Тебя где в городе-то высадить?

Машину тряхнуло на кочке. Хотя ехали уже по асфальту.

– Заснул, что ли? – Водитель добродушно усмехнулся.

Я помотал головой, стряхивая с себя сон.

– А что там есть, в этом городе? – спросил я. Реальность помаленьку возвращалась.

– Ну, вот сейчас будем автовокзал проезжать. Если хочешь, там тебя скину. Может, и доберёшься до Самары своей на автобусе.

– Хорошо, – я кивнул. Автобус так автобус.

Здание муромского автовокзала представляло собой унылое одноэтажное сооружение с большими грязными окнами, крытое шифером и покрашенное почему-то в розовый цвет. Рядом с массивной деревянной дверью под провисшим козырьком неторопливо потрошил пьяненького мужичка дородный парень в серой милицейской форме. На меня милиционер взглянул мельком, остановился было взглядом на заляпанной грязью одежде, но всё же предпочёл довести общение с текущим «клиентом» до логического завершения.

Я справился с дверью. Внутри было пустынно. На скамьях у стены расположилась пара старушек с сумками. По кафельному полу, придававшему помещению сходство с советской баней низкого пошиба, елозила тряпкой уборщица.

Сбоку я увидел окошко кассы и расписание. Продравшись сквозь неизвестные мне Вязники, Касимов и Красную Горбатку, я обнаружил в качестве знакомых пунктов назначения Рязань, Владимир, Нижний Новгород и даже Москву. Самару, судя по расписанию, муромские автобусы игнорировали.

Сама касса, впрочем, была закрыта деревянной дощечкой. Я постучал в неё. Послышалось невнятное шевеление. Окошко открылось, и в проёме показалось недовольное лицо,

покрытое ровным слоем дешёвой косметики. Лицо вопросительно смотрело на меня. Я смотрел на лицо.

– Мне нужно уехать в Самару, – произнёс я, оторвав взгляд от бровей, нарисованных чёрным карандашом.

– А в Улан-Батор вам не нужно? – Стервозные нотки в голосе обладательницы лица выдавали нелёгкую семейную жизнь всех её родственников.

– Нет, – сказал я твёрдо. – Мне нужно именно в Самару.

– Мужчина, вы что-о, слепо-о-ой? – Кассирша смешно растягивала ударную букву «о». – Читайте расписание, там всё написано.

Окошко вновь захлопнулось. Пару мгновений спустя по ту сторону фанерной дощечки зазвонил телефон. Уже знакомый голос кассирши приглушённо протянул: «Алло-о-о-о?»

Я ждал окончания разговора. Билет всё равно нужно покупать – если не в Самару, то хотя бы в Москву или Нижний, а там уже пересаживаться. Стервозный голос за дощечкой удивлённо спрашивал у телефонной трубки:

– Дополнительный? В Самару? Во ско-о-олько?

Фанерка со скрипом отъехала.

– Эй, мужчина, вы ещё здесь? Есть дополнительный авто-о-обус в Самару на завтра, на семь тридцать. Будете брать?

Я вышел из автовокзала и остановился в задумчивости. Как-то сразу чувствительно заболели уставшие ноги, заныл ушибленный при приземлении зад. Хотелось очистить одежду от грязи, залезть в тёплую ванну, понежиться в ней, а потом ухнуть в кровать. Почти физически я почувствовал, как укроюсь мягким одеялом.

Близился вечер. Солнце, только что закатившееся куда-то за дома и деревья, ещё давало достаточно света, но сумерки уже чувствовались – и в восприятии предметов, очертания которых стали вдруг мягкими и притушенными, и в самом воздухе, который наполнялся вечерней прохладой – как будто где-то заработал гигантский кондиционер.

Появился давешний страж порядка. Глядя на меня коричневыми телячьими глазами, он поинтересовался:

– Документы?

Встретив мой взгляд, он немного смутился, кашлянул и выговорил пухлыми губами, похожими на разваренные сосиски:

– Ну… Это… Паспорт там… э-э-э-э… – Он замешкался, долго мычал, подбирая нужное слово, и, наконец подобрав, выпалил: – Например!

Я нащупал в кармане паспорт и только что купленный билет на автобус. Протянул ему. Парень суетливо заглянул в документ.

– Колпин Платон Сергеевич? – выдавил он из себя.

– Ну да, – сказал я.

Милиционер торопливо вложил билет в паспорт и вернул мне.

– Разрешите идти? – спросил он, одновременно поднося ладонь к виску, как будто отдавая честь.

Я удивлённо на него посмотрел. За какого-то большого начальника меня принял, что ли?

– Идите, – почти автоматически ответил я.

Парень начал было разворачиваться, но я, вспомнив, что мне нужен ночлег, прервал его движение:

– Подождите. Не подскажете, есть ли здесь поблизости гостиница?

Милиционер в глубокой задумчивости наморщил лоб, напоминая иностранца, который мысленно пытается перевести только что услышанную фразу на незнакомом языке. Наконец, через тягучие мгновения он произнёс что-то вроде:

– Так… Э-э-э-э… Это…

Рука его медленно потянулась, указывая на соседнее здание. В этот момент на крыше вспыхнули крупные ярко-красные буквы «РУСЬ», а рядышком зажглись белым неоном буковки поменьше: «Гостиница». На фоне постзакатного неба эта внезапная иллюминация выглядела эффектно.

Под табличкой «Администратор» сидела немолодая женщина слегка помятой внешности. Выражением лица и позой она напоминала воздушный шарик, который кто-то до предела надул и оставил на несколько дней – воздух помаленьку уходит, и шарик обмякает, сморщивается. Ладони женщины безвольно лежали на ручках кресла, а глаза были прикрыты.

– Извините, – я кашлянул, привлекая к себе внимание. – Я хотел бы снять номер на одну ночь.

Администратор открыла глаза и всплеснула вялыми руками.

– Какой номер? Вы что? Ну какой сейчас номер?

Я пояснил:

– Стандартный, одноместный… Да, в принципе, любой свободный подойдёт.

– Мужчина, ну какой сейчас номер? У нас вон видите – сантехники носятся как угорелые. Весь пятый этаж залило, все трубы прорвало. Нет у нас сейчас номеров. – Она неопределённо махнула рукой, потом, будто вспомнив что-то, добавила: – Уж извините.

Перспектива искать другую гостиницу по темноте меня не обрадовала. Я вытащил мобильник, проверил наличие сети.

– Вы не подскажете телефон какой-нибудь другой гостиницы неподалёку, – я приготовился набирать номер.

– Мужчина, ну я же вам не справочная, – она укоризненно взглянула на меня. Потом обернулась к другой женщине, помоложе, которая вышла из служебной двери. – Ну хоть объявление пиши, что справок не даём. Маша, ну вот не понимают люди!

– Тогда, может быть, подскажете номер местной справочной? – спросил я, уже не надеясь на помощь.

Администраторша хотела было в очередной раз возмутиться, но её опередила та, что помоложе:

– Посмотри, у меня там, на тетради записан телефон.

Проворчав что-то неопределённое, вялая женщина достала толстую тетрадь и принялась диктовать мне номер, который я сразу же набирал на мобильнике:

– …Два – четыре – двенадцать – ноль – семь… Ма-а-аш, а у тебя тут последняя цифра какая записана – семёрка или единица?

Я уже набрал номер. Послышались гудки, затем ответил женский голос:

– Алло?

– Здравствуйте, – произнёс я в трубку. – Подскажите, пожалуйста, телефонный номер какой-нибудь гостиницы в Муроме. Кроме гостиницы «Русь».

– Номер? – Девушка на том конце трубки, казалось, растерялась. – А я не знаю номера гостиниц… Да и зачем они мне? – Она рассмеялась.

– Извините, – пробормотал я, уже понимая, что это не справочная.

Девушка в трубке, однако, так открыто и заразительно смеялась, что я сам невольно стал улыбаться. Чтобы не показывать улыбку задёрганным администраторшам гостиницы, я повернулся и пошёл к выходу, держа трубку у уха.

Женщины за стойкой, разобравшись в записях, крикнули мне:

– Мужчина, вы неправильно набрали номер! В конце единицу наберите!

Но я уже был в дверях. Голос в трубке продолжал:

– Я слышу, ты тоже улыбаешься. А ты кто? Я тебя знаю?

– Нет. Наверняка не знаете. Я случайно попал в ваш город, сейчас вот ищу гостиницу, чтобы переночевать…

– Но если ты ищешь гостиницу, то почему звонишь мне? Вот чудной какой! – Девушка снова захохотала.

– Я в справку звонил, но номер неправильно набрал…

– Понятно, – девушка немного помолчала, размышляя. – Ну, у нас заблудиться сложно – в городе всего три гостиницы. Ты где сейчас?

– Я в гостинице «Русь». Но у них что-то случилось, номеров нет свободных…

– Ну, не беда, – девушка на той стороне трубки явно улыбалась. – Пойдёшь дальше по Московской, там ещё одна гостиница есть.

– Это куда – по Московской? – спросил я, уже выйдя на крыльцо гостиницы и вглядываясь в окружающие сумерки.

– Ну как бы тебе объяснить… – Девушка задумалась, но потом бесшабашным голосом продолжила: – А, ладно, проще самой показать. Стой рядом с гостиницей, никуда не уходи, я быстро! Ты как выглядишь?

Под потолком уютно светила лампа в жёлто-синем плетёном абажуре, отражаясь и даже как будто рифмуясь в заоконном мраке. Негромко бурчал о чём-то своём холодильник, мягко ронял капли закрытый не до конца кран.

Я пил чай с малиновым вареньем, медленно, смакуя даже не вкус, а ощущение неспешного тепла, проникавшего внутрь.

– Всё-таки самое уютное место в чужой квартире – это кухня, – сказал я. Немного задумался, пожал плечами. – Даже не знаю, почему.

Катя сидела напротив и улыбалась.

– Я вообще-то недолюбливаю чужие квартиры, – продолжал я. – В гостях всегда чувствую себя неловко. Даже у хороших знакомых. Как будто заглядываю в личное, в чужие жизни. Которые, в общем-то, не для меня строились.

– Как в чужие окна? – Катя в задумчивости крошила печенье в блюдце.

– Нет. Не совсем. Вроде тебя и пригласили, и ничего, в принципе, от тебя не скрывают… Но знаешь… – Я задумался, подбирая слова. – Наверное, это как искренность. Вот ты готов кому-то полностью открыться. И он ценит это, понимает и принимает, но не идёт дальше какой-то границы. Ведь увидеть, узнать – это не главное. Гораздо важнее просто иметь возможность, свободу какую-то, увидеть это и узнать.

Катя наклонила голову набок и стала похожа на щенка, который внимательно слушает и заранее одобряет твои слова, даже не понимая их.

– Тебя вроде и пускают, – я сделал очередной глоток чая, – даже не вроде, а пускают в своё жилище, в свою жизнь. И ты благодарен хозяевам за это. Но бежать в спальню и смотреть, какого цвета бельё на кровати… Как-то это неправильно. Наверное, потому-то я и люблю кухни. Они демократичные, что ли. В них вроде и вся индивидуальность хозяина – и в то же время нет ничего интимного.

– Чудной ты, – сказала Катя и тряхнула русой чёлкой, как бы отгоняя мысли, мухами роившиеся вокруг головы.

Она задумалась, по-прежнему механически кроша печенюшку. Вскинула на меня прозрачные тёмно-синие глаза:

– Хотя, наверное, все мы чудные. Представляю, что ты, наверное, подумал о девушке, которая вместо того, чтобы проводить тебя до гостиницы, затащила к себе в гости. – Она чуть нервно рассмеялась, но в глазах её появились весёлые искорки.

– Ничего особенного, – ответил я. – А что, по-твоему, я должен был подумать?

Мне нравилось её лицо. Оно было открыто, как книга. Я редко встречал такие лица.

– Ну, я не знаю… – Катя немного смутилась, оставила печенье и убрала руки под стол.

– Ну что ты! – Мне захотелось потянуться к ней, смахнуть с неё эту неловкость. – Ты ведь знаешь, что я ничего плохого о тебе не подумал. Знаешь же?

Она посмотрела мне в лицо. Кивнула.

– Ну вот! – Я улыбнулся. – А я точно знаю, что и ты ничего такого не имела в виду. И ты это знаешь, и я это знаю. И мне наплевать, как то, что касается только нас, выглядит со стороны. Как это может воспринять кто-то другой. Ведь мы-то знаем правду. Знаем всё про себя.

Катя снова смеялась. От её недавнего смущения не осталось и тени.

– Про себя-то я, может, и знаю всё. А про тебя – вообще ничего. Почему у тебя такое смешное имя? Кто ты? Как ты оказался в нашем городке?

– Имя? – Я улыбнулся. – С именем проще всего. Мои родители были без ума от античной философии, вот и назвали сына Платоном. Если бы у меня был брат, то он наверняка стал бы Сократом, а это гораздо хуже.

Катя хихикнула.

– А вот кто я? – Я задумался. Иногда на самый простой вопрос трудно ответить. Действительно, кто же я?

Моя собеседница смотрела на меня, как ребёнок, которому вот-вот расскажут захватывающую сказку и который уже готов удивляться.

– Кто я?.. Знаешь, это сложно рассказать… Непонятно даже с чего начинать…

– А ты начни с чего угодно. Главное – начать, а потом история сама постепенно сложится.

– Наверное, начать нужно с тополиного пуха…

– С пуха? – Катя засмеялась, а потом прикрыла ладошкой рот, показывая, что слушает меня.

– Хотя нет, при чём здесь тополиный пух? Ты знаешь, ещё сегодня утром я летел в самолёте из Питера. Хотя, кажется, это было уже очень давно… Летел в Самару, в обычную командировку. Кстати, у тебя есть телевизор?

– Нет, – Катя пожала плечами. – Зачем он мне?

– Интернет? Радио, наконец?

Девушка помотала головой. Видимо, о судьбе моего рейса сегодня мне так и не удастся узнать. Подумаем об этом завтра.

Я махнул рукой и рассказал Кате о событиях сумасшедшего дня. Она издавала удивлённые возгласы, восхищённо восклицала или смеялась, когда я показывал, как кувыркался в воздухе с парашютом или демонстрировал в лицах милиционера на площади и тётку в кассе автовокзала.

Иногда мне кажется, что не бывает хороших или плохих рассказчиков – есть лишь хорошие или плохие слушатели.

Чай кончился, пузатая банка варенья была возвращена в холодильник. Катя умылась, переоделась в пижаму и расчёсывала волосы, расспрашивая о подробностях моих приключений. За окном горели ночные огни – уличные фонари, окна домов, фары редких машин.

– Люблю ночной город. Почему-то. – Я стоял и смотрел в окно. Зрелище успокаивало и настраивало на лирический лад.

Катя отложила расчёску и опёрлась о подоконник руками рядом со мной, уткнувшись носом в окно. Стекло перед её лицом запотело от дыхания.

Поддавшись внезапному порыву, я встал позади и осторожно охватил ладонями её плечи. Мы молча смотрели в окно. Где-то вдалеке простучал колёсами невидимый поезд.

Катя повернулась ко мне лицом и немного подалась вперёд, как бы сама собой оказавшись в кольце моих рук. В её глазах прыгали даже не искорки, а как будто маленькие чёртики.

– Ты знаешь, – она улыбалась, – а может быть, в том, что я тебя позвала, в самом деле есть что-то такое? – Она выделила последнее слово и кивнула. Чёлка упрямо упала на её глаза. Катя глядела на меня сквозь волосы.

Я посмотрел на себя со стороны. Взрослый человек, в чужом городе, на ночной кухне обнимает едва знакомую девушку.

И неожиданно для себя самого я её поцеловал.

2

На подоконник сел воробей. Нетерпеливо потоптался по жестяной поверхности, посмотрел на меня сначала одним глазом, потом вторым.

Я осторожно, чтобы его не спугнуть, приоткрыл створку окна. Домашнее тепло ручьями потекло наружу, в ночь. Воробей подпрыгнул ближе и примостился на оконной раме – посредине между комнатой и улицей.

– Ну что, серый? – негромко спросил я его. – Как там жизнь, за окном?

Воробей переступил с лапки на лапку и нахохлился.

– Прохладно, что ли? Ну так осень уже на носу, чего ты хотел?

Пичуга внимательно глядела на меня блестящим чёрным глазом, а я продолжал монолог:

– Скоро вот совсем холодно станет, снег выпадет, морозы ударят. Здесь как морозы у вас, серьёзные? Прятаться придётся, наверное? Пищу, опять же, искать, крошки всякие хлебные… Тяжёлая жизнь у вас, птиц. Но и понятная. Понятно, кто ты, откуда, куда и что делать нужно. – Я помедлил, задумался. – А мне вот давеча вопрос задали, кто я такой, а я и ответить-то на него толком не смог. Ну, родился, учился, работал – но это разве обо мне, про меня? Кто я такой, по сути? Зачем живу, для чего?

Воробей повернулся ко мне другим глазом, наклонил голову и вдруг произнёс:

– Хорошие вопросы. Но неужели ты хочешь, чтобы я тебе сейчас на них взял и ответил?

Я оторопело смотрел на него.

– Нет, наверняка не хочешь, – он отряхнулся, повернулся ко мне спиной и глянул из-за плеча: – Я полетел, закрывай окно.

Воробей легко спорхнул с подоконника и мгновенно исчез в темноте. Я ещё немного постоял у окна, потом закрыл его и проснулся.

– Во сколько у тебя автобус? – Катя хлопотала на кухне, укладывая для меня в пакет необъятные бутерброды. Моя одежда, ещё вчера безнадёжно грязная, выглядела как новенькая. На мои вялые протесты девушка внимания не обращала. Несмотря на короткий сон, в это раннее утро она выглядела выспавшейся и свежей, в то время как я сам себе напоминал сомнамбулу.

– В семь тридцать, – ответил я, сверившись с билетом. – Скоро уже надо выходить.

– Дорогу-то найдёшь? – Девушка с прищуром глянула на меня, потом рассмеялась. – Нет, лучше я тебя провожу.

Дворники неторопливо мели скопившийся за сутки мусор. Будничные люди спешили на работу. Собаки выгуливали на поводках сонных хозяев.

Мы вышли с запасом, благо и идти-то было всего ничего. Я рассматривал прохожих.

– «Вот и наступило то самое завтра, о котором я что-то слышал вчера…» – рассеянно пробормотал я.

– Это ты о чём? – Катя улыбалась дворовым кошкам. Кошки, впрочем, улыбки игнорировали.

– Песню одну вспомнил. Про то, как человек идёт рано утром по городу и разглядывает прохожих, которые куда-то спешат, в метро, на работу, в дорогу…

– Мне тоже нравится рано утром гулять по городу и смотреть на всё. Утром всегда есть надежда, что день будет замечательным. Правда, метро у нас нет. – Она засмеялась. – Ну, ты, наверное, это знаешь.

– Догадываюсь, – улыбнулся я.

– А мне нравится наш город. Он какой-то родной, что ли. Уютный. Свой такой. Насквозь. И Илья Муромец из наших мест, ты знаешь?

– Знаю. – Мне почему-то было легко общаться с этой девушкой. Постоянно хотелось улыбаться ей в ответ.

– Я вообще не люблю слишком людные места. Большие города. Была год назад в Москве – она мне не понравилась. Такое ощущение, что люди там живут как бы с надрывом, что ли.

– То есть ты так и хочешь всю жизнь прожить здесь, в своём городке?

Катя задумалась. Её лёгкая юбка колыхалась над щербатым асфальтом в такт шагам.

– Не знаю. Мне особенно-то не с чем сравнивать. – Она улыбнулась. – И ещё есть у меня мечта.

– Какая же?

– Представь себе: тёплое-тёплое море, остров с пальмами и песком, домик на берегу – и никого вокруг. Я знаю, глупая такая мечта, но как будто сон мне про это приснился, а проснулась – и захотелось.

– Ну почему же сразу глупая…

– А может быть, просто в каком-нибудь фильме увидела такой остров. – Катя засмеялась. – А вообще, я завидую тебе. Немножко. Ведь уезжать – это всегда здорово.

– Не всегда, – лениво возразил я. – Особенно когда уезжаешь от чего-то хорошего.

Катя на минуту задумалась. Потом грустно улыбнулась:

– Ещё хуже, когда хорошее уезжает, а ты остаёшься.

Я согласно хмыкнул. Мы выходили на площадь к зданию автовокзала. Я заметил газетный киоск и подошёл к нему в тайной надежде, что в свежей прессе не найду никаких упоминаний об авиакатастрофах.

Увы. Новость о крушении самолёта была на первых страницах большинства газет. Ту-134 не смог совершить экстренную посадку и упал под Нижним Новгородом. Не выжил никто.

Это странно – из упругой, пульсирующей, наполненной событиями жизни попадать в размеренное ничегонеделанье однообразного путешествия. Автобус едет по бесконечным дорогам плоской среднерусской зелёно-коричневости – и тебе кажется, что ты выпал в какую-то другую, непохожую реальность. Время тянется со скоростью подсахарившегося мёда, капающего из опрокинутой ложки, – а ты напоминаешь сам себе муху, которая попала в эту каплю и не может ничего сделать. Только смотреть на километровые столбы. Только гадать, будет ли чем отличаться село Саконы, сулимое указателями, от посёлка Гремячево, недавно наблюдаемого в грязноватое окно.

Есть в ней, этой заоконной действительности, что-то щемящее для человека, привыкшего путешествовать самолётами. Становится вдруг видна жизнь обычно незаметная, неизвестная. И лицо твоё хранит вид беспристрастный, но что-то там, внутри тебя, удивляется оттого, что, оказывается, люди живут и здесь. Живут и так. В грязи и неустроенности, захламлённости, замусоренности, заброшенности – промеж величественных пейзажей, на плоскости земли, придавленной сверху плоскостью неба. И временами кажется даже, что это огромное небо давно бы уже прихлопнуло, раздавило эту двумерную землю, если бы не держалось на свечках церковных колоколен.

Автобус был старым, ещё советским, с неудобными бесформенными сиденьями, сломанными пластмассовыми ручками и неопределённого цвета занавесками на окнах. Проезжая неизбежные и нескончаемые ухабы, он устало скрипел, а набирая скорость, сначала жалобно скулил, а потом начинал надсадно выть с такой невыносимой тоской, что собаки в попутных деревнях сочувственно подвывали.

За Саранском я прикончил бутерброды и стало ещё скучнее. Почему-то ощущение того, что у тебя есть припасы, немного повышает настроение. От нечего делать я начал разглядывать попутчиков.

Я сидел на переднем сиденье, с которого можно смотреть и в боковое окно, и вперёд, в лобовое стекло. В автобусах я обычно выбираю именно это место – с него удобнее всего обозревать окрестности. Сразу позади меня располагалась тётушка околопенсионного возраста, которая вскакивала на каждой остановке, вытаскивала из соседнего ряда сидений утрамбованные туда безразмерные сумки и бросалась к выходу, по пути спрашивая всех, не Самара ли это уже. Ей терпеливо отвечали, что это не Самара, а какая-нибудь очередная Ужовка. И что до Самары ехать ещё черт-те сколько. И что будем мы в Самаре уже ночью. И что Самара – это конечная остановка и её пропустить не получится. И что не надо каждый раз вытаскивать сумки, так как запихивать их обратно приходится другим пассажирам или водителю. И тётушка кивала. Тётушке было неловко. Она благодарила всех за помощь. Она садилась в кресло позади меня, о чём-то там сопела в полудрёме – и сразу же вскакивала и тянулась к сумкам, стоило лишь автобусу остановиться.

В левом ряду, за тёткиными сумками, ехали немолодая женщина и девушка лет двадцати, которые вошли в одном из попутных посёлков. Они были бедновато, но аккуратно одеты, и сидели на своих местах прямо, не сутулясь и не заваливаясь на бок даже в дрёме. По их напряжённым лицам, по тому, как они осматривались, как с некоторым даже восхищением пробовали нажимать кнопки в рукоятках для откидывания спинок, я догадывался, что для них поездка в грязноватом скрипучем автобусе – это Событие, Путешествие, Приключение. Но прочитать на их лицах, хорошее ли это для них событие, либо же плохое, я так и не смог.

Через два сиденья от этой пары сидел мужчина лет сорока, лысоватый, с неопрятной бородкой и жиденькими усами. Он был одет в изрядно потёртый мешковатый пиджачок, из-под которого серой чайкой пытался вырваться ворот засаленной рубашки. Мужчина периодически открывал пухлый портфель, доставал очередную бутылку кефира и делал несколько глотков. Пустые бутылки он ставил себе в ноги. К полудню с его пыльными ботинками соседствовали уже три ёмкости. На кочках они падали и катались по полу, каждый раз вынуждая мужчину нагибаться, шарить растопыренными пальцами под сиденьями и возвращать беглянок на место. Их мелодичный звон будил во мне детские воспоминания о пустых молочных бутылках, которые я нёс в авоське в приёмный пункт.

В моём ряду где-то сзади сидел ещё один мужчина, молодой и одетый как работяга. Со своего места он почти не вставал, лишь выходил покурить на некоторых остановках.

На самых задних сиденьях располагалась группа цыган человек в пять. Они ехали тихо и совсем не были похожи на тех своих шумных, крикливых сородичей, которых я иногда видел на вокзалах или рынках. Глава группы, крупный мужчина с сединой в чёрных курчавых волосах, всю дорогу от Мурома бодрствовал, глядя в пространство автобуса тяжёлым немигающим взглядом. Остальные цыгане спали или дремали, укрывшись чёрно-цветастыми узорчатыми платками.

Автобус въехал в Ульяновск, покружился по одинаковым окраинным улочкам и затих около местного автовокзала. Тётушка позади меня проснулась и бросилась вытаскивать сумки. Водитель поднялся со своего места, рыкнул, что это ещё не Самара и что стоим здесь тридцать минут. Пассажиры покорно восприняли информацию и потянулись к выходу. Парень-работяга закурил около автобуса, сплёвывая в урну. Молодая цыганка подошла к продавщице мороженого и, отсчитав смятые десятки, купила четыре порции в вафельных стаканчиках. Из окна автобуса на неё смотрели маленькие цыганята, укрытые платками, и мужчина с сединой.

Я вышел исследовать привокзальные продуктовые киоски и в итоге удовлетворился бутылкой местной минералки и пакетом сушек. Вернулся на своё место и попробовал ещё раз набрать номер самарского филиала нашей фирмы, в который я вторые сутки не мог приехать. На этот раз телефон легко поймал сеть, однако, продравшись сквозь телефонные коды, я услышал лишь прерывистые гудки. В филиале давно пора было поставить ещё несколько телефонных линий.

Очередные полчаса уползли в небытие. Водитель запрыгнул на своё место, гулко хлопнул дверью. Оборотился в салон, спросил: «Все на месте?» Никто не ответил. Заурчал мотор, автобус всхлипнул и поехал дальше.

Минералка оказалась противно солёной, сушки – прогорклыми. Пейзажи за окном упрямо не менялись. Где-то под Димитровградом мой мобильник ожил, поймав сеть, грянул трелью звонка, однако аккумулятор окончательно разрядился, не дав мне ответить на вызов. Я хотел было лениво посетовать самому себе на то, что не догадался подзарядить телефон у Кати, однако утомительное путешествие настроило меня на то, чтобы относиться к мелким неудачам философски. За окнами постепенно темнело, как в огромном зрительном зале, готовящемся к сеансу. Дорога стала ровнее, и под мерные завывания мотора я заснул.

В конечный пункт назначения мы приехали уже глубоко за полночь. Я проснулся от суматохи в автобусе. Тётушка, дождавшаяся своей Самары, вытаскивала сумки через переднюю дверь, водитель и парень-работяга ей помогали. Задержанные этим процессом, в узком проходе между креслами толпились мои остальные немногочисленные попутчики – «кефирный» мужчина с плохо скрываемым раздражением, аккуратные женщины – с сосредоточенным спокойствием, цыгане – с нетерпеливым любопытством. «Мужчина, просыпайтесь, мы уже приехали!» – сказала молодая цыганка с такой интонацией, как будто это я задерживал всех.

В гостиницу, оплаченную ещё неделю назад из Питера, меня поселили без эксцессов. Я ворочался в мягкой постели и думал о том, что с утра пойду на работу и жизнь, наконец, вернётся в намеченную колею, из которой я так внезапно выпал. Попытался было сосредоточиться на том, как успеть за оставшиеся три дня сделать то, на что была отведена вся рабочая неделя. Голова болела, шея ныла. По тёмным стенам номера по-прежнему проносились плоские пейзажи. Когда я закрывал глаза, они становились ярче.

Автобус подвывал на волчий манер, тоскливо и безысходно, как одинокий вожак стаи в снежной пустыне. Больше звуков не было. От воя машины воздух застревал у меня в горле – сначала на вдохе, потом на выдохе. Я перегнулся со своего сиденья вперёд, чтобы попросить водителя вести не так быстро, однако водительское место было пусто – автобус ехал самостоятельно, завывая всё громче и протяжнее.

Я оглянулся назад – и вздрогнул. Пассажиры встали со своих мест и пристально смотрели на меня. Их глаза одинаково мерцали какой-то безысходной надеждой, казалось, что они вот-вот завоют в унисон с автобусом. Это было похоже на сцену из фильма ужасов.

Страх мгновенно вбил мне в позвоночник десятки ледяных иголочек. Я застыл, не в силах пошевелиться, однако уже через мгновение с облегчением догадался, что я сплю и вижу всего лишь дурной сон.

– Это просто сон! Всего лишь сон, понимаете? – пытаясь улыбнуться, крикнул я в обращённые ко мне лица. Спина понемногу размораживалась. – Я сплю, только лишь сплю!

Седой цыган мощно сглотнул, как глотают жаждущие при виде воды.

– Значит, просыпайся, – негромко сказал он густым голосом. – Просыпайся, мы хотим жить дальше.

Мои уши наполнились шёпотом и завязли в нём. Как по команде, остальные пассажиры стали шептать вразнобой:

– Просыпайся! Просыпайся! Мы хотим жить дальше…

Наверное, каждый мальчишка, наказываемый в детстве, мечтал о том, чтобы увидеть, как будут плакать над его могилой окружающие. Как они поймут, наконец, что не ценили, что несправедливо к нему относились. Помню, как я смаковал подобный эпизод из «Приключений Тома Сойера».

Пожалуй, никто из нас не предполагал, что такое произойдёт наяву.

Я стоял у дверей офиса и думал об этом, разглядывая собственную фотографию в чёрной рамке. Фотография была плохой, сделанной два года назад для пропуска. На ней я усиленно пытался улыбаться, и от этого лицо приобретало чрезвычайно глупый вид, контрастирующий с серьёзными и печальными глазами. Фотограф тогда говорил мне: «Улыбайтесь же, ради бога! Нам запрещают делать снимки, на которых сотрудники не улыбаются!» И я честно изображал улыбку.

Текст под фотографией, отпечатанной на струйном принтере, гласил: «22 августа в авиакатастрофе погиб сотрудник нашей компании КОЛПИН Платон Сергеевич». И всё. Мне казалось, что этого очень мало. Крайне мало. Неужели одна скупая строка – это всё, что можно сказать обо мне посмертно? И неохотно приходил к выводу, что да, наверное, сказать больше нечего.

Моё появление в офисе, конечно, вызвало небольшой переполох. Нет, никто в обморок не упал, как это происходит в подобных случаях в фильмах. Мне даже стало немного обидно – не каждый же день люди встречают коллегу, вернувшегося к ним с того света. Офис-менеджер Люда сняла плакатик с моей фотографией и выкинула его в мусорную корзину с каким-то едва промелькнувшим сожалением о зря сделанной работе.

Директор филиала утянул меня в свой кабинет и, расчувствовавшись, налил водки в два стеклянных напёрстка.

– Платон, – сказал он мне, держа стаканчик перед лицом, – я уж думал, что ты всё. Как тебе удалось-то? Я по телевизору видел, там от самолёта одни осколки остались. Трупы опознать не могут, по кусочкам людей собирают!

Я неопределённо махнул рукой.

– Ты молоток, Платон! Настоящий мужик! Что нам, русским мужикам, какие-то катастрофы? Давай-давай, выпьем. Ах да, ты же не пьёшь, я забыл…

Он сглотнул свой стаканчик, потом залпом осушил и мой. Крякнул, помолчал немного и стал рассказывать мне о текущих делах.

Расчёты по новой акции для филиала были поручены Леночке из отдела рекламы (я горестно вздохнул – за ней обязательно нужно всё перепроверять). Работу со счетами отдела взял на себя сам директор филиала. Встречи же с подрядчиками, ради которых, собственно, я и летел в Самару, проводил без меня Олег Солодовников, мой коллега из петербургского офиса, прибывший сюда ещё на прошлой неделе. Он вот-вот должен был вернуться с последней из этих встреч.

Олег был одним из тех немногих, на кого я всегда мог положиться. В этом невысоком, полноватом, неэффектном с виду тридцатилетнем мужчине с белёсо-голубыми глазами и вечно неаккуратной причёской дремали великолепные организаторские способности. Я далеко не сразу раскрыл его, да и сам он был не из тех, кто легко открывается. Пару лет назад я взял его себе в отдел менеджером по наружной рекламе – и он привёл в порядок изрядно запущенное хозяйство, оставленное предшественниками. После этого я осторожно стал поручать ему организацию то одной, то другой рекламной кампании – и Олег настолько хорошо справлялся с моими заданиями, что я с радостью переложил всю тактическую работу на его плечи, оставив себе ведение стратегической линии, разработку новых идей и контроль выполнения задач. Постепенно мы сблизились с Олегом, стали вести беседы на нерабочие темы и даже изредка совместно коротать вечера в питерских кофейнях. Мне было сложно назвать другом кого-то из своих знакомых, однако ближе всего под это определение подходил именно Солодовников.

Олег вошёл в офис с устало-деловитым видом, который я легко прочитал бы как «встреча состоялась, не все наши условия приняты, но к компромиссу мы пришли». Люда с ресепшн крикнула ему:

– Олег! Платон приехал!

– Приехал? – Солодовников ошалело посмотрел на секретаря. – Где он?

Рванулся в коридор – и сразу же перехватил меня на выходе из кабинета директора.

Вот Олег действительно смотрел на меня, как на восставшего покойника. Несколько секунд. Испытующе. Потом как-то внутренне обмяк и хлопнул, наконец, по моему плечу:

– Ну ты даёшь, старик! Как так получилось? На рейс опоздал?

– Да нет, не опоздал. Я вылетел в том самолёте.

– И как же так вышло, что ты здесь, с нами, а не размазан по полям Нижегородской области? – Олег слегка сморщился, как будто представив что-то очень болезненное.

Я шутливо поднял руки, мол, сдаюсь.

– Давай не сейчас. Вечером сядем в какой-нибудь кафешке, я тебе всё расскажу.

День, впрочем, в нормальную колею так и не вошёл. После обеда в офис заявился вдруг человек в штатском, напугав Люду красной корочкой. Он спросил меня. Мы уединились в переговорной.

– Кропотов. Валерий Петрович, – представился он, показывая удостоверение. – Государственная комиссия по расследованию крушения самолёта Ту-134 под Нижним Новгородом 22 августа.

Вместо того чтобы называть себя, я достал паспорт и передал его следователю. Тот аккуратно раскрыл документ, внимательно пролистал, не забыв испытующе поглядеть на меня, сверяя с фотографией.

Разглядывал визитёра и я. Он неуловимо напоминал мне какого-то зверька – и я, перебирая в памяти целые зоопарки, силился вспомнить, кого именно. Кропотов был высок и несуразно худощав; туловище его венчала миниатюрная голова, похожая на шар для игры в боулинг, снабжённый оттопыренными ушами, реющими посреди аккуратно стриженных волос. Широкие глаза придавали лицу следователя удивлённое выражение, которое мгновенно сменялось подозрительностью, стоило лишь обладателю таких глаз прищуриться. Подобная смена выражений была довольно комичной – казалось, что человек постоянно что-то подозревает, потом удивляется своему подозрению, потом снова подозревает, опять удивляется – и так до бесконечности.

Впрочем, следователь пришёл ко мне явно не для того, чтобы разыгрывать комические сценки. Изучив и вернув мой паспорт, он раскрыл блокнот и принялся дотошно и издалека расспрашивать о том, действительно ли на моё имя был куплен билет на тот злополучный рейс, действительно ли я прибыл в аэропорт Пулково города Санкт-Петербурга утром того самого дня, прошёл ли я регистрацию на данный рейс, осуществил ли посадку в рассматриваемый самолёт и оставался ли среди пассажиров этого самолёта во время его взлёта в 8 часов 50 минут московского времени.

На все эти вопросы я ответил утвердительно.

Глаза Кропотова вернулись в положение «удивление». Я молча ждал дальнейших расспросов.

– Кхм, – следователь прочистил горло. – По нашим данным, в 9 часов 42 минуты командир экипажа сообщил на землю о неполадках в одном из двигателей, изменил курс и запросил аварийную посадку в аэропорту Нижнего Новгорода. В 10 часов 11 минут самолёт исчез с экранов радаров. Столкновение с землёй произошло в двадцати километрах от города Кстово Нижегородской области.

Он замолчал, внимательно смотря на меня, затем, прищурившись, добавил:

– Из находившихся на борту пассажиров и членов экипажа в живых не осталось никого, – он сглотнул, – кроме вас.

– К тому времени я находился уже не в самолёте, – спокойно сказал я, пытаясь не дать вырваться наружу ноткам раздражения, копившегося во мне по ходу разговора. Раздражения,

впрочем, не на следователя, а на самого себя. Я ни разу не задумался о людях, оставшихся в том самолёте, который мне удалось покинуть столь чудесным образом. Разве что вспоминал бортпроводника со шрамом над левой бровью. Да и того лишь во сне.

– Где же вы были? – Лицо Кропотова вновь выражало удивление.

– Полагаю, барахтался в глине на вспаханном поле.

Я вкратце изложил члену комиссии историю с неожиданно найденным парашютом, моим прыжком и тем, как я добирался до Самары. О встрече с Катей я, впрочем, умолчал, решив не впутывать девушку в историю.

Кропотов некоторое время молчал, словно пытаясь осознать, как отнестись к моему рассказу. Затем он задумчиво сделал несколько пометок в блокноте и вновь обратился ко мне. Глаза его превратились в узкие щели.

– Платон Сергеевич, вы где-то учились прыгать с парашютом?

– Нет, – ответил я, с внезапной тоской рассматривая солнечные полосы на столе. – Это был мой первый прыжок.

Следователь сделал ещё одну пометку в блокноте.

– А известно ли вам, господин Колпин, что в комплектации пассажирских самолётов Ту-134 отсутствуют парашюты? В принципе отсутствуют.

– Кажется, бортпроводник говорил мне что-то в этом роде, – я задумался, пытаясь вспомнить, что мне сказал человек со шрамом.

– Тогда где же вы взяли парашют? – Следователь стал похож на собаку, сделавшую стойку на зверя. Даже не на собаку, а…

Я непроизвольно улыбнулся, поняв, кого мне напоминал Кропотов. В детстве я смотрел мультфильм «Маугли». В нём одного из главных героев, тигра Шер-Хана, постоянно сопровождал комический персонаж, то ли собачка, то ли шакал, который любил повторять слова своего могучего спутника. «А мы пойдём на север!» – услужливо всплыла в памяти фраза.

Следователь истолковал мою улыбку по-своему. Ему показалось, что он поймал меня на лжи.

– Господин Колпин, расскажите мне правду. Как вы покинули самолёт?

– Я вам и говорю правду. – Я унял неуместную улыбку. – Из самолёта я выпрыгнул с парашютом. Мне его передал один из членов команды. Откуда он его взял – я не знаю.

Кропотов стиснул губы в узкую полоску. Подождал, словно надеясь, что я скажу что-то ещё. Наконец сдался:

– Хорошо. Будем проверять. Вы сможете опознать по фотографии члена экипажа, который передал вам парашют? И хотя бы примерно указать место своего приземления? Мы дадим вам подробную карту района.

– Думаю, да. – На меня постепенно наваливалась усталость. Хотелось скорее вернуться в номер и постоять под прохладным душем.

Кропотов сухо поблагодарил меня и показал, что собирается уходить. Уже у двери он произнёс:

– Да, ещё. Пока что никуда не уезжайте из города. Вы нам ещё понадобитесь.

– У вас есть официальные полномочия на то, чтобы задержать меня в Самаре? – Я удивлённо вскинул брови.

Следователь поджал губы и ничего не ответил. Убедившись, что сказать ему нечего, я решил поставить точку в разговоре:

– В пятницу я улетаю в Питер. До этого дня готов ответить на ваши вопросы. После – можете располагать мной уже в Петербурге.

– Не беспокойтесь, найдём вас и там, – сказал Кропотов. В его интонации были замаскированы угрожающие нотки. – Но исчезать из нашего поля зрения я бы вам не советовал.

В окне весело мигали огоньки, подчиняясь простому алгоритму. Поморгают зелёные лампочки, потом красные, за ними – синие. Затем зажигались все огни сразу, горели пару секунд, и снова – зелёные, красные, синие. Иногда эта нехитрая цветомузыка попадала в такт человеку, поющему что-то хриплое. Певец находился на возвышении в углу зала и надрывался под музыкальную фонограмму.

Кафе выбирал я. Каждый раз, приезжая в Самару, я удивлялся тому, что в историческом центре города невозможно найти приличного едально-питейного заведения. В итоге, перебрав другие варианты, я остановился на данном полукафе-полуресторане, в котором, по крайней мере, прилично кормили. Иногда, однако, в нём бывало слишком накурено. Да и вечерние концерты под фонограммы радио «Шансон» находились, увы, вне орбиты моих предпочтений.

Солодовников разглядывал исполнителя блатного фольклора с видом философа, обнаружившего в собственном ботинке таракана. Было похоже на то, что песня с залихватским припевом «Эх, хвост-чешуя, не поймал я ни… чего» не способствовала пробуждению у моего коллеги аппетита – еда в его тарелке пока оставалась нетронутой, тогда как я вовсю поглощал «язычки в сметанке», кои в данном заведении готовили изумительно. Наконец он оторвался от созерцания, ковырнул вилкой и обратил всё внимание на меня.

– Ну что, выкладывай уже. Не томи!

Я не умею рассказывать, когда мой собеседник чем-то отвлечён и слушает меня вполуха. Олег же, поначалу уделив внимание внешним раздражителям, полностью переключился на меня. Он хорошо знал мою особенность – рассказывать полно и со вкусом только тогда, когда меня слушают.

И я рассказал ему всё, что случилось с той минуты, как я ступил на борт пулковского лайнера. Пройдясь по всем деталям, я в который раз отметил странности этой истории. Несуразности происходили не только в эпизоде с невесть откуда взявшимся парашютом, но и после – случайная «Нива» на просёлке, внезапно появившийся автобус до Самары, ошибка номером и встреча с Катей.

Да, про Катю я ему тоже рассказал. Олег умел слушать.

Соус медленно стекал с кусочка курятины, подцепленного вилкой Солодовникова. Стекал и капал на край тарелки. Олег смотрел на меня, не отрываясь, забыв про ужин. Наконец он отложил в сторону вилку и с неясным туманом во взгляде произнёс:

– Платон, если бы я не знал, что ты патологически не умеешь врать… Если бы в новостях не показали этот размазанный по земле самолёт…

Он задумался, как будто вспомнив что-то. Улыбнулся, сказал:

– Ты бы видел нашего водителя, который в понедельник ездил тебя встречать в аэропорт! Возвращается – глаза странные, как будто хлопнул водяры по дороге. Мы ему, мол, а где Платон – а он сделал паузу длиннющую, театральную, потом рубанул воздух ладонью и сказал: «Всё, нет больше Платона!»

Подошла официантка, принесла мне квас, моему коллеге – пиво. Олег взял кружку, сделал длинный глоток. Неторопливо отставил напиток в сторону. Медленно, задумчиво проговорил:

– Нет, не сходится. Какая-то ерунда получается. Ну хорошо, предположим, что на самолёте нашёлся парашют. Но с какой стати член экипажа отдаст его тебе? Ты ему угрожал, что ли?

– Нет, – я покачал головой. – Просто спросил, есть ли парашют. Да, я был немного на взводе, на эмоциях, но никак не угрожал. Да и чем было угрожать – голыми руками, что ли?

– Пытаюсь представить, как это происходило – и не получается. Логики нет, понимаешь? То есть в нормальной жизни люди так не действуют, как ты мне сейчас рассказал. Это как будто… – Он замялся, подыскивая правильное слово. – Ну как будто во сне. Понимаешь? Вот для сна эти события были бы вполне логичными.

Я сделал глоток из кружки. Мысленно прокрутил в памяти эпизод в самолёте. Мотнул головой:

– Нет. Всё было по-настоящему. Разве что тот мужик, который отдал парашют, мне показался каким-то странным. Как будто он понимал тогда гораздо больше, чем я. И смотрел на меня с таким видом, что ждал, что вот-вот я и сам что-то пойму, осознаю.

– Бред какой-то! – Олег отодвинул тарелку и основательно ухватился за кружку. – Хотя я знаю, что ты не врёшь, но не верится мне в такую историю.

– Вот и следователь не поверил, – тихо сказал я. – Приходил сегодня такой, из комиссии по расследованию гибели этого самолёта.

– Могу себе представить, как он воспринял то, что ты на него вывалил, – ухмыльнулся Солодовников. – Впрочем, всё можно проверить. И то, что ты в том самолёте летел, и то, что ты сейчас жив и здоров – ни царапины.

Он поднял кружку, мы шутливо чокнулись. Олег придвинул к себе уже остывшее куриное филе и принялся его с аппетитом уплетать. Я хранил молчание, потягивая квас и наблюдая за миганием огоньков в окне.

– Такое ощущение, – сказал наконец Солодовников, вытирая рот бумажной салфеткой, – что тебе просто необычайно повезло. События, о которых ты рассказал, – они, в принципе, возможные. Просто маловероятные. И тем более странно, что они произошли в один день и с одним человеком. Помнишь теорию вероятности, вы её проходили в университете?

– Проходили, – сказал я. – Правда, помню весьма смутно.

– Да я тоже смутно. Но было там такое, что шанс на то, что случатся два маловероятных события подряд, считается как одна вероятность умножить на вторую. Если я не ошибаюсь, конечно. Значит, если у тебя один шанс из тысячи заполучить парашют и один шанс из тысячи, что вдруг назначат нужный тебе автобус в нужное время, – он задумался, как будто считая в уме. – Так вот, вероятность того, что случится и первое, и второе – одна миллионная. А если добавить ещё и третье… – Олег усмехнулся. – Легче в лотерею выиграть, чем дождаться таких совпадений.

Я улыбнулся:

– Ну, значит, такой я везунчик.

– Да ещё какой! – Он поднёс ко рту почти опустевшую кружку и вдруг остановился на половине пути. – Слушай, Платон! А может, у тебя и в самом деле какая-нибудь аномальная везучесть? Ты в лотерею играть не пробовал?

– Нет, не пробовал. – Я задумался о своих взаимоотношениях с лотереями. Вспомнилось, что моя бабушка в советское время каждую неделю покупала лотерейные билеты, а после разглядывала подслеповатыми глазами огромные простыни выигрышных номеров, печатавшихся в газете «Труд», и всегда огорчалась своему невезению. Но верила почему-то, что когда-нибудь выиграет «Волгу» или хотя бы «Москвич». Так и умерла, не дождавшись выигрыша крупнее трёх рублей.

Солодовников большим глотком опустошил кружку и решительно встал из-за стола.

– Ты доел? – Он глядел на меня сверху вниз. – Тогда пошли.

– Куда? – Я немного растерялся от его напора.

– Как куда? Спать. Ты помнишь, что у нас с утра встреча с агентством? Или тебе хочется дослушать страдания по тюремному быту? – Он подмигнул, указывая мне на исполнителя блатного фольклора, который, мёртвой хваткой вцепившись в микрофон, выводил хриплые рулады.

Мы с Олегом жили в соседних номерах гостиницы «Националь», которая, несмотря на пышное название, представляла собой достаточно скромный отель категории «советские три звезды». Располагалась она недалеко, поэтому мы пошли пешком.

Солодовников молчал, размышляя, видимо, об услышанном. Красиво горели огни на пешеходной Ленинградской улице, похожей на миниатюрный Арбат. Вокруг фигурных скамеек собирались стайки подростков, дымивших сигаретами и весело смеявшихся.

– Ну хорошо, – сказал Олег как бы в ответ своим мыслям. – А почему же ты не позвонил нам, когда… ну, когда всё это случилось?

– Когда я барахтался в грязи бескрайних полей, телефон там не брал. Потом, в Муроме… – Я задумался, припоминая тот вечер и встречу с Катей. – Как-то забыл, наверное. Не до того было.

Олег понимающе усмехнулся. Я, не обращая внимания, продолжал:

– А когда уже ехал в автобусе, то дозвониться не мог. Ты же знаешь, что у нас до самарского офиса вечно не дозвонишься. А дальше – аккумулятор сел. Кстати… – Я увлёк коллегу в сторону круглосуточного супермаркета, призывно светящегося яркими витринами. – Надо купить зарядку для телефона, моя так и сгинула в самолёте.

Пока я вертел в руках подозрительного вида зарядное устройство для моего старенького SonyEricsson, Солодовников с отсутствующим видом бродил по торговому залу, пялясь на полки. На кассе, когда я достал бумажник, чтобы расплатиться, он вдруг остановил меня и, хитро прищурив глаза, указал на лотерейные билеты, в изобилии выставленные у кассира за стеклом.

– Ну что, проверим твою везучесть?

Я усмехнулся. Хотел было отмахнуться от его предложения, как от шутки, но, встретившись с ним взглядом, увидел, что он напряжённо-серьёзен. Я удивился:

– Ты в самом деле веришь в мою необычайность?

Олег немного расслабился, видимо, взглянув на ситуацию со стороны.

– Выгляжу клоуном? – Он улыбнулся. Почесал пальцем висок. – Ну и фиг с ним. Девушка, – обратился он к кассирше, разглядывающей нас с полным безразличием, – дайте нам, пожалуйста, ещё и лотерейный билетик. Только пусть он сам выберет, – поспешно добавил он, указывая на меня.

Кассирша достала картонную коробку, наполненную цветными карточками. Я, не глядя, вытащил одну из них, расплатился. Мы отошли от кассы.

– Ну давай, открывай! – Солодовников подпрыгивал на месте, как щенок, которого зовут гулять.

– А если я сейчас выиграю? – Меня забавляла нетерпеливость коллеги.

– Тогда я начну верить в чудеса. Открывай!

Я надорвал краешек билета, развернул вложенную в него бумажку. На бледно-розовом поле, испещрённом волнистыми линиями, чётко значилось: «Выигрыш 25 000 рублей».

Примерно минуту мы молча стояли и глядели в бумажку. Наконец Олег взял лотерейный билет, ощупал его и осмотрел с обеих сторон. Затем аккуратно сложил и сунул мне обратно в руки. Проделав эти манипуляции, он взял меня под локоть и потащил обратно к кассе.

– Девушка, – сказал он, неестественно улыбаясь. – Мой товарищ хочет ещё купить у вас лотерейных билетов. Три. Нет, лучше пять!

Кассирша вновь вытащила откуда-то снизу коробку с билетами и протянула её Солодовникову. Тот отпрянул и указал на меня:

– Нет, это он должен выбрать.

Я вытащил билеты, и мы отошли от кассы. Все разворачиваемые мною бумажки оказывались с крупными выигрышами. Когда я в последнем билете вскрыл выигрыш в пятьсот тысяч рублей, Олег шумно выдохнул. Он посмотрел на меня округлившимися глазами, потом воскликнул:

– Может быть, они все здесь такие? – и вновь ринулся к кассирше.

Уставшая женщина флегматично достала всё ту же коробку. Олег набрал целую горсть билетов, вернулся ко мне и стал лихорадочно их открывать. Все вскрытые им бумажки содержали одну и ту же лаконичную надпись: «Без выигрыша».

3

Магазин был огромным. Полки с товарами уходили под потолок. Я задирал голову вверх – и от этого шея начинала болеть, как когда-то давно, когда я впервые снизу рассматривал небоскрёбы в Нью-Йорке.

Я бродил между стеллажами, разглядывая товары. Яркие этикетки сливались в одно большое лоскутное одеяло.

Где-то должен быть выход.

Шаги звучали гулко. Мне казалось, что я один в этом огромном магазине. Зайдя в очередной тупик – проход, перегороженный пустым автопогрузчиком, я остановился. Кажется, я забыл, где здесь выход.

Стало страшно. Я зажмурился. Внутри колыхнулась мысль, что это сон. Я сосредоточился на своём дыхании, на стуке сердца. Дыхание успокаивалось, сердце стало биться более размеренно.

Сейчас я открою глаза. Сейчас.

Нет, я не проснулся. Я всё в том же магазине. Но выход оказался рядом. За углом весело светились ряды касс.

Почти все кассовые узлы были пусты, лишь в одном из них сидел кассир в синей форме магазина. Я подошёл к нему. Было неловко выходить из торгового зала без покупки.

– Дайте мне парочку лотерейных билетов, – сказал я, протягивая деньги.

Кассир выдал мне билеты. Я тут же вскрыл их. В каждом из них был выигрыш с большим количеством нулей. Я вертел в руках цветастые бумажки – и вдруг заметил, что на обратной стороне каждого билета напечатан мой портрет. Я изумлённо пригляделся – всё верно, это была фотография с моего рабочего пропуска.

Кассир внимательно наблюдал за мной. Я поднял глаза и узнал того самого человека со шрамом на лице, выдавшего мне парашют.

– Ну а чего вы хотите? – спросил меня бортпроводник-кассир, кисло улыбаясь. – Вы ведь сами организовали эту лотерею.

– Я? – Мой голос звучал глухо, как будто из-под одеяла. – Почему я?

Кассир молчал. Кажется, он к чему-то прислушивался. Где-то явственно раздавался звон.

Звонил телефон на тумбочке у кровати. Я тряхнул сонной головой и поднял трубку.

– Платон? – Голос Солодовникова не отличался привычной бодростью. – Я тебя не разбудил?

Я глянул на часы. Не было ещё и семи утра.

– Олег, какого чёрта в такую рань? У нас встреча только в десять.

Я не любил, когда меня будили.

– Подожди, Платон, не ругайся. Я всю ночь не спал, думал. Давай я к тебе загляну?

– Всё равно уже поднял, изверг… – сказал я ворчливо. – Заходи, раз так.

В своей чёрной водолазке Олег напоминал отставного спецагента из американских фильмов. Он шагал по номеру – от стены к окну и обратно – а я, забравшись с ногами на кровать, потягивал из баночки холодную кока-колу и наблюдал за его раскрасневшимся лицом и мутными от недосыпа глазами.

– Давай порассуждаем вместе, – говорил он. – Давай, мы же умеем, мы это часто делаем. Мы же логики, верно?

– Логики, – подтвердил я. На работе мы периодически устраивали совместные мозговые атаки, в ходе которых разбирали проблемы на составляющие и искали решения.

– У тебя явно есть необычные способности. Об этом говорит и история с самолётом, и наша вечерняя проверка. Можно проверить ещё. Но я думаю, что факты уже налицо.

Он остановился и вопросительно посмотрел на меня. Я, поколебавшись, кивнул. Олег удовлетворённо возобновил шаги по комнате.

– Я думал о том, откуда взялись они, эти твои способности. Скажи мне, Платон, до последних событий ты замечал, что тебе в чём-нибудь необычайно везёт?

Я задумался и стал вспоминать.

В детстве… Из детства, вроде бы, не вспоминалось ничего необычного. Никаких историй чудесных спасений. Да, тонул однажды, но рядом находились старшие ребята, вытащили в одну минуту – я и испугаться не успел. Пару раз терялся в лесу, куда мы с отцом любили ходить за грибами, но сам, поплутав немного, находился. Учился в обычной школе, особыми успехами в учёбе не отличался. Вундеркиндом не был, опять же, хотя читать-писать научился рано. Нет, ничего сверхъестественного.

Потом – институт, множество различных интересов, несчастная любовь, потом вторая… Да, с девушками мне, скорее, не везло, чем наоборот… Практика, аспирантура, кандидатская, работа, переезд в Петербург из родной Сибири. Хоть убей – не могу вспомнить ничего, что говорило бы о необычайном везении, которое я ощутил в последние дни.

– Нет, – сказал я вслух. – Ничего необычного.

Солодовников поднял вверх указательный палец:

– Вот. Я тоже попытался что-то такое про тебя припомнить. Всё-таки уже третий год вместе работаем. Не было у тебя способностей. Или, скорее всего, никак они не проявлялись. А тут вдруг вылезли наружу. Сначала я не мог понять, почему именно сейчас, но потом до меня дошло.

– Самолёт? – спросил я.

– Ну да, конечно! – Олег знакомо улыбнулся, он частенько так улыбался, когда мы с ним подходили близко к решению очередной задачи. – Стрессовая ситуация, мобилизация скрытых резервов организма. Ты же наверняка слышал про пловцов или бегунов, которые ставили немыслимые рекорды скорости, когда за ними гнались хищники? Вот и у тебя наверняка то же самое произошло. Только ты в том падающем самолёте не летать научился, а стал притягивать к себе везение.

Я скептически хмыкнул. Олег сразу отреагировал:

– У тебя есть другое объяснение?

Я покачал головой.

– Пока нет. – Я встал с кровати, выкинул в ведро банку из-под кока-колы. Помассировал себе виски, пытаясь унять головную боль. Меня не оставляло ощущение, что всё не так просто. Только ощущение, без логической подоплёки. Не рассказывать же про сны, тем более что мне было непонятно, имеют ли они отношение к событиям последних дней. – Ну хорошо, допустим. Примем за версию.

Олег продолжил:

– У нас всё равно ничего нет кроме версий и догадок. И вряд ли что-то появится – слишком уж тонкая это материя. – Он перестал мерить шагами комнату, встал спиной к окну и опёрся на подоконник локтями. – Далее. Твоя способность появилась внезапно, и никто не даст гарантию, что она так же внезапно не исчезнет. Вот придём мы завтра в тот же супермаркет, а там все билеты без выигрыша. Может такое быть?

– Может, – согласился я.

– Значит, нужно выжать максимум из этой твоей способности уже сейчас.

Я выудил из холодильника очередную банку колы. Вскользь подумал о том, что надо будет не забыть при выписке из гостиницы расплатиться за мини-бар.

Олег глядел на меня вопросительно.

Он был логичен. Во время мозговых штурмов, мы оттачивали логику друг друга, откидывая случайные, необоснованные, эмоциональные решения. Мы научились идти к результату кратчайшими путями.

Но сейчас что-то было не так. Я ощущал какой-то подвох, некую неправильность в том, что со мной происходило. Я пытался от этого отмахиваться, но в голову назойливой мухой лез прерванный Солодовниковым сон. В нём я выигрывал в лотерею, которую сам же и организовал.

Нет, чушь, конечно. Я никогда не устраивал какие-либо лотереи. Слишком быстро катились события последних дней, вот подсознание и выкидывает фортели. Впечатлительным я оказался на поверку.

– Наверное, – сказал я. – Наверное, ты прав.

– Что-то не так? – Солодовников заметил мою неуверенность. – Платон, говори, если что-то не так.

Я в задумчивости откупорил банку, сделал глоток.

– Знаешь, Олег. Мне в последнее время снятся сны странные. Даже немного… – Я замялся, подыскивая слово. – Жутковатые, что ли. Думаю, это побочный эффект от моих… э-э-э… способностей.

Олег внимательно глядел на меня. Потом медленно произнёс:

– Да, ничего не даётся просто так, даром. И за сверхспособности, видимо, нужно платить кошмарами.

– Нет, не кошмарами, – я рассмеялся. – Просто сны странные. Не страшные, нет, но какие-то… Странные, да. Как будто там, во сне, я что-то понимаю, а просыпаюсь – и опять не помню.

– Ну, это и у меня бывает, – улыбнулся Олег.

Он повернулся лицом к окну. Над крышами старого города яичным желтком растекался рассвет. На стекле сырели следы ночного дождя.

– Ты думал о том, что будешь делать с деньгами? – спросил Олег, не оборачиваясь.

– Ещё нет, – сказал я. – Найду, конечно, применение. Кредит за квартиру отдам, чтобы не висел над душой. Машину приличную прикуплю.

– А остальное?

Я усмехнулся:

– Ты прямо как в том анекдоте. «Что вы сделаете, если выиграете миллион? – Долги отдам. – А остальное? – А остальное потом».

Олег повернулся ко мне:

– Нет, я серьёзно. Сколько ты там вчера навскрывал? В долларах, тысяч тридцать-сорок? Допустим, что твои способности ещё при тебе, мы прошерстим все ближайшие лотерейные пункты – это будет приличная сумма. Что ты с ними будешь делать?

– У тебя есть предложения? – Я улыбнулся. – Олег, я же тебя хорошо знаю. Выкладывай, что там у тебя на уме.

– Ну смотри, – он не выказал ни тени смущения. – Опять-таки, рассуждаю логически. У тебя есть доступ к быстрым, лёгким и, что немаловажно, вполне легальным деньгам. Сколько времени будет продолжаться такое везение, мы с тобой не знаем. Даже если это надолго, то как ты думаешь, как скоро заинтересуются твоими постоянными выигрышами компетентные органы? Или устроители этих самых лотерей? «Крышующие» их люди, наконец?

Я хмыкнул. Такие вопросы мне в голову пока не приходили.

– Надо строить свой бизнес, Платон. На «дядю» мы с тобой уже поработали. Пришла пора самореализовываться, воплощать свои идеи, а не чужие. – Раскрасневшиеся от недосыпа глаза его блестели. – Ты же помнишь, сколько раз обсуждали с тобой, что если бы не наши господа акционеры… Сколько идей твоих не пустили, помнишь?

– Помню, конечно.

– Ну вот. А сейчас – есть деньги. Есть с чего начать. Нам бы раскрутиться, а дальше и без сверхъестественных способностей начнём и зарабатывать, и реализовываться. Идейная часть и принятие удачных, – он подчеркнул интонацией это слово, – решений – на тебе, организационные вопросы – на мне. Дай глотнуть!

Олег взял у меня банку с газировкой, основательно приложился. Пустая ёмкость отправилась в ведро вслед за предыдущей.

– Ну как тебе? – спросил он.

– Дай подумать, – серьёзно ответил я.

Самолёт на Петербург задерживали уже на час. За стойкой аэропортового бара скучала напудренная женщина с профессионально-брезгливым выражением лица. Солодовников потягивал пиво, я лениво ковырялся в мороженом. В Самаре, оказывается, делают достойное мороженое, но третья порция даже для меня, любителя, была уже чересчур.

– Две недели нас всё равно заставят отработать, – задумчиво протянул Олег. – Ты знаешь Тимофеева, он просто так не отпустит.

– Не хотелось бы с ним ругаться, – я вздохнул. – А придётся, наверное.

– Ничего, прорвёмся! – Солодовников отсалютовал мне банкой пива. – Скоро сами себе хозяевами будем. Главное – у нас есть начальные деньги.

Я задумчиво выковыривал из мороженого кусочки орехов.

– Шустрый ты, Олег. Чересчур шустрый.

Он улыбнулся:

– Помнишь, мы с тобой как-то рассуждали, что нужно для открытия собственного бизнеса?

– Помню, – ответил я. – Люди, деньги и идея.

– Вот именно. Люди у нас с тобой есть. Ты да я. Отличная команда, по-моему, – он подмигнул. – Ты как считаешь?

– Неплохая. Только вдвоём мы всё равно со всем сразу не управимся. Нужно будет ещё людей искать.

– Найдём! – Он излучал уверенность. – Деньги у нас тоже есть.

– Не говори «гоп», – осадил его я. – Денег пока недостаточно.

Свой выигрыш по билетам, вскрытым в супермаркете, я не без труда, но всё-таки получил в Самаре. Однако оказалось, что с этих денег нужно платить изрядные налоги, о чём я раньше не подозревал. В результате на руках у меня была гораздо меньшая сумма, чем мы с Олегом изначально предполагали.

Тогда же, под подозрительными взглядами женщины, выдававшей мне деньги, я решил, что получать множество средних выигрышей более странно, чем один, но крупный. Солодовников, с которым я поделился своими мыслями, меня поддержал и немедленно отыскал подходящую лотерею с джекпотом в десяток миллионов рублей. По её условиям, необходимо было угадать все шесть номеров, которые выпадут во время розыгрыша. Я, не мудрствуя, зачеркнул в купленном билете цифры от одного до шести и кинул половинку в специальный ящик. Розыгрыш должен состояться через неделю после нашего возвращения в Петербург. По результатам и узнаем, будет ли у нас достаточно денег для того, чтобы начинать собственный бизнес.

– Платон, – проникновенно сказал Олег, – не дрейфь, я в тебя верю!

– Но самое главное, – я оставил его реплику без ответа, – самое главное – у нас пока нет достойной идеи. Какой бизнес будем мы с тобой строить? Чем заниматься? В какой вообще сфере?

Объявили регистрацию на наш рейс. Олег подхватил сумки, и мы зашагали вниз, к стойкам. Недоеденное мороженое осталось на столе.

– Это же просто, – говорил Солодовников, делая очередные полшага к девушкам, выдающим посадочные талоны. – Это просто, Платон! Давай опять рассуждать логически. В чём наши с тобой ключевые компетенции?

– В чём? – эхом повторил я.

– Мы с тобой отлично умеем делать рекламу. Так давай и организуем рекламное агентство!

При входе в сектор посадки всех заставляли раздеваться, разуваться и проходить через металлодетекторы.

– Наружка! – вещал Солодовников, снимая туфли и надевая бахилы весёленького голубого цвета. – Наружная реклама сейчас на подъёме. У меня есть знакомая контора, которая клепает конструкции для рекламных щитов в цехах Кировского завода. Ну, знаешь, где тракторы раньше делали?

Огромные туши воздушных лайнеров неуклюже перекатывались по полю аэродрома. Я стоял и смотрел на них сквозь большие грязные стёкла зала ожидания. Рядом продолжал расписывать свою идею Олег:

– Так вот, можно поговорить с одним менеджером оттуда, он нам за определённые проценты отдаст кого-нибудь из своих клиентов. И будут эти ребята работать не напрямую с конторой, а через нас, а мы с этого навар будем иметь. Верняк. Как тебе идейка?

– Нет, – сказал я, продолжая разглядывать самолёты.

– Почему? – Олег был слегка обескуражен.

– Неинтересно.

Мы стояли у трапа, ожидая своей очереди показать посадочные талоны бортпроводнице. По лицу Солодовникова стекали капли дождя. В них отражались красные маячки самолёта.

– Ну хорошо, – говорил Олег, – идейка верная, но, допустим, не очень интересная. Тогда есть ещё такой вариант. Организуем консалтинговое агентство. Ну, знаешь, разные услуги предприятиям – исследование провести маркетинговое, медиа посчитать, разработать план вывода нового продукта.

Мы сидели в салоне. Стюардесса рассказывала о том, как следует себя вести в аварийной ситуации. Я слегка отстранённо думал, насколько всё это может помочь при катастрофе в воздухе. Другая часть сознания слушала Солодовникова.

– Наполнение мы с тобой организуем. Многое сами умеем, под крупные проекты найдём экспертов, исполнителей. Как раскрутить – я тоже придумал. Договоримся с Ксюхой из «Делового Петербурга», ей постоянно какая-нибудь аналитика требуется. Вот и пропиарим своё агентство под этим соусом.

Самолёт напрягся, задрожал, разбегаясь по неровному бетону. Я прилип к иллюминатору – люблю тот миг, когда ты из твари, прикованной к земле, становишься свободной птицей.

Кубик самарского аэропорта остался внизу и позади. Мой коллега, наказанный организмом нелюбовью к полётам, вытер испарину со лба.

– Ну, как тебе такая идейка, Платон?

Я повернул лицо к нему.

– Не обижайся, Олег. Но всё это не то. – Я сглотнул, прогоняя вату из ушей. – Ты же говорил про самореализацию. Хорошо так говорил, меня проняло.

Солодовников внимательно на меня смотрел, будто просверливая две маленькие дырочки.

– То, что ты предлагаешь, – продолжал я, – это, по сути, повторение того, что у нас уже есть. Только будем мы вести рекламу и маркетинг не крупной компании, как сейчас, а маленькой, своей. Труба пониже, дым, соответственно…

– Ну хорошо, – Олег перестал надувать губки, как маленький мальчик, снова взял себя в руки и явил выражение лица «ученик внимательно слушает глубокоуважаемого сэнсея». – Тогда давай свои предложения. В конце концов, это ты у нас генератор идей.

Я отвернулся к окну. С идеями пока туговато. Собственная голова напоминала мне старенький компьютер, в который загрузили вдруг дюжину современных программ. Он пытается выполнять их все одновременно, что получается очень медленно, натужно, с размышлениями над каждым простым действием вроде открытия окошка или перемещения курсора по экрану.

Самолёт набирал высоту, и капельки влаги с той стороны иллюминатора застыли ледяными узорами. Я отвлечённо их разглядывал и думал о том, что это забавно – видеть следы мороза в августе. О том, что тополиный пух тоже похож на снежную метель посреди лета. О снеге, который приходит всегда неожиданно и разом меняет питерскую промозглость на предновогоднюю сказку…

– Ну так что, – спросил Солодовников, – у тебя есть идеи?

– Снег, – сказал я, повернув голову.

– Что снег? – Он недоумённо нахмурил лоб, отчего брови образовали линию крыши пагоды.

– Мы будем продавать снег.

Я смотрел на выражение его лица и медленно расплывался в улыбке. Казалось, что я нажал внутри себя кнопочку «Reset», и мой компьютер прервал выполнение всех программ. На душе установилась ясная погода, созвучная с иссиня-голубым небом по ту сторону толстого стекла иллюминатора.

Олег смотрел на меня, словно ожидая развития мысли. Я молчал и улыбался.

– Ты знаешь, – сказал он, – я понимаю, что ты пока всё это не принимаешь всерьёз, потому и ёрничаешь. Но давай без шуток.

– Ты знаешь, а я и не шучу, – в тон ему ответил я. – Олег, я, наверное, устал от нашей работы. Хочется чего-то нового.

– Продавать снег? Ты это что, всерьёз? – Олег, казалось, был ошарашен. – В нашей стране снега и так навалом! Бесплатно, понимаешь? Ну, кому? Зачем? Нужен? Снег?

– Не знаю, – ответил я. – Выясним. Придумаем. Разве тебе не интересно?

Солодовников недоумевающе пожал плечами.

– Олег, – я наклонился к нему ближе, – мы же решили начинать свой бизнес, только если подтвердится моё необычайное везение. Так вот, если это на самом деле так, то у меня всё получится, даже если я буду продавать снег. Давай в самом деле попробуем, а?

Я люблю фаст-фуд. Знаю, многие презрительно морщат носики при упоминании заведений быстрого питания, но я – люблю. Мне нравится чётко знать, из чего состоит то, что я ем. Мне нравится, что всегда можно прикинуть, какие порции нужно взять, чтобы наесться. Нравится, что не нужно мучительно ждать, урча голодным желудком, когда же тебе принесут еду. А ещё, видимо, нравится, что в таких заведениях – открытых, демократичных, без утомляющего пафоса – чувствуешь себя моложе.

Солодовников, впрочем, моей любви не разделял. Двери «Макдональдса» на Петроградской, в котором мы договорились встретиться, он открыл с какой-то осторожной брезгливостью. Увернулся от стайки подростков, отшатнулся от девочки-уборщицы, протиравшей стёкла, и встал столбом посреди зала, высматривая меня.

Я помахал рукой, и Олег с видимым облегчением направился к моему столику. Плюхнулся на небольшой диванчик, поставил рядом сумку с ноутбуком.

– Чего-нибудь хочешь поесть? – Я кивнул на плакат с изображениями блюд. – Здесь неплохие завтраки готовят.

Олег неодобрительно глянул на стойку, за которой юные работники соревновались друг с другом в том, кто громче выкрикнет фразу: «Свободная касса!»

– Ты знаешь, как-то я не любитель еды в подобных заведениях. Да и позавтракал дома перед выездом.

– Ну хорошо, – другого ответа я и не ожидал. – Тогда давай посмотрим, что ты накопал.

Он заметно оживился, потёр руки, показывая, что накопал немало, вытащил ноутбук и расположил его на столике.

– Если кратко, – Олег посмотрел на меня с прищуром, – то бизнес есть. Как бы это странно ни звучало, продажа снега может приносить доход. И неплохой.

Он вывел на экран таблички с описаниями.

– Вот, смотри. Это оборудование для производства снега – снегогенераторы, снежные пушки и снежные ружья. Производительность – от трёх до девяноста кубометров снега в час. Область применения, как оказалось, широчайшая. В первую очередь, конечно, это оснежение склонов на горнолыжных курортах. Ну, ты в курсе – погода у нас нынче неустойчивая, а кататься люди хотят с октября по апрель. А владельцы баз, естественно, не дураки терять клиентов, вот и приобретают эти штуковины.

Я внимательно слушал Олега, а сам в душе улыбался. Мне всегда нравилась эта его черта – способность увлекаться новым делом. Иногда он напоминал мне охотничью собаку, которой показываешь дичь – и она азартно ввязывается в игру с преследованием.

– Ты меня слушаешь? – Олег прервался было, но я сделал соответствующую мину, мол, конечно, слушаю. – Так вот, помимо горнолыжных баз, искусственный снег применяют и в строительстве для охлаждения бетона, и в медицине, и на химических заводах, и в фармацевтике, и в пищёвке – короче, спрос на наш с тобой снег даже в России весьма приличный.

– Где оборудование будем брать? Поставщиков нашёл?

– Спрашиваешь! – Солодовников изобразил оскорблённую добродетель и открыл файл с табличкой. – Вот список. Я детально их пока не прорабатывал, но разберёмся. У некоторых есть представительства в России, но они-то нам как раз интересны менее всего.

Я удовлетворённо кивнул.

– Теперь самое главное, – Олег вывел на экран новый файл. – Я сделал первые прикидки по бизнес-плану, первоначальные затраты, период окупаемости, возврат на инвестиции. Вот эта цифра, – он ткнул мышкой в одну из ячеек таблицы, – это то, сколько нам надо вложить денег.

Я присвистнул. Сумма была внушительная. Если я не возьму джекпот в лотерее, то нам её никак не потянуть.

Солодовников словно бы прочёл мои мысли:

– Ну как, Платон, какие у тебя ощущения? Сможешь?

Я пожал плечами:

– Завтра всё увидим. Во сколько там трансляция розыгрыша?

– В девять утра, – Олег улыбнулся. – Я ещё сделаю из тебя «жаворонка».

Я шутливо воскликнул:

– В выходные дни, в священные, можно сказать, дни ты не даёшь мне поспать хотя бы до десяти!

– Ничего, вояка, привыкай. Собственный бизнес – дело такое, спать некогда.

Трель мобильного телефона, который по совместительству служил будильником, подняла меня без пяти девять. Я несколько раз душераздирающе зевнул, подумал о том, что умываться и бриться мне лень, и, не вставая с кровати, потянулся к пульту телевизора.

На нужном канале уже показывали заставку лотереи, билет которой хранился у меня в бумажнике. На экране появился вёрткий немолодой мужчина с длинными усами, неприятно

похожий на таракана. Он носился по сверкающей огнями студии и что-то беспрерывно тараторил в микрофон, сначала объясняя правила игры, а потом представляя зевающих украдкой людей, составляющих тиражную комиссию. Я от души посочувствовал этим беднягам, которым пришлось спозаранку тащиться на телевидение для того, чтобы несколько минут посидеть перед камерами бессловесными истуканами.

Ведущий рассказал несвежий анекдот и сам начал громко над ним смеяться. Несмотря на его ужимки и попытки сделать из происходящего в студии шоу, зрелище нагоняло на меня тоску и сочувствие явно невысокому рейтингу передачи. Наконец, ведущий перешёл к основной части программы и принялся вытаскивать из большого блестящего барабана шары с числами.

Первый шар, который очутился у него в руках, был помечен большой цифрой «5», похожей по начертанию на пятёрку на советской пятикопеечной монете. Я удовлетворённо кивнул – цифра входила в мой ряд от одного до шести, отмеченный в лотерейном билете.

Мужичок-таракан, улыбаясь, полез за вторым шаром и, к моему удивлению, достал номер «37». Я обескураженно смотрел на экран и пытался вспомнить, какой выигрыш полагается за пять правильно угаданных номеров из шести. Однако через минуту я отбросил эти бесплодные попытки, так как на экране появился шар с числом «19», и начал выстраиваться ряд выигрышных номеров, никак не совпадающий с загаданным мною.

Пронзительно заверещал телефон. Я вздрогнул и поднял трубку.

– Платон, – голос Олега звучал гулко и испуганно, – Платон, неужели везение закончилось?

На экране усатый ведущий, натужно улыбаясь, раскланивался с тиражной комиссией и что-то вещал зрителям.

– Мы же с тобой уже заявления написали на увольнение, – Олег ронял мне в ухо слова, как плохо закрученный кран в ванной роняет капли. – Я, как идиот, роюсь в этом снежном оборудовании… Сегодня полночи просидел, доделывая финансовый план…

Я, не отрываясь, смотрел в телевизор. Завертелась заставка передачи. Вновь появился ведущий.

– Вы смотрели повтор предыдущего, двадцать седьмого тиража нашей лотереи, который состоялся в прошлое воскресенье, – задорно сообщил он, шевеля усами. – А сейчас в прямом эфире состоится двадцать восьмой…

– Стоп! – закричал я в трубку, прерывая глухие причитания Солодовникова. – Ты ещё не выключил телевизор? Смотри!

Вновь утомительное представление комиссии, перемежаемое пресными шутками, раскрутка барабана.

– Цифра пять! – сообщил ведущий, улыбаясь во весь рот. – Как вы помните, именно с этой цифры начинался и прошлый наш тираж. Для кого же на этот раз пятёрка станет счастливой? Мы узнаем об этом после рекламы!

Я запустил в телевизор подушкой. Она упала на середину комнаты, не долетев до экрана, на котором идиллические малыши, одинаково улыбаясь, мочились в подгузники, а накрашенные домохозяйки кидали во все блюда бульонные кубики.

Наконец усатый господин вновь расцвёл в эфире. Вторым номером он вытащил «3», за ней последовали «6», «1» и «2». Перед последним шаром ведущий долго представлял спонсора передачи, но я уже был уверен в победе.

Появление на экране цифры «4» совпало с очередным звонком Солодовникова.

– Платон! – кричал он мне в трубку. – Платон! Ты это сделал! Платон! Ты уникум! Ты гений! Теперь у нас всё получится! Теперь-то мы развернёмся!

Я стоял, полуголый, посреди комнаты, сжимая в одной руке поднятую с пола подушку, а в другой телефонную трубку. И улыбался.

4

«А сейчас – информация о пробках на середину этого часа в Петербурге…»

Солодовников протянул руку к магнитоле и увеличил громкость.

«…На севере города – пробка на Энгельса от Светлановской площади в сторону центра, пробка на Политехнической от Курчатова к площади Мужества, стоит Коломяжский проспект от Пионерской и набережная Чёрной речки на всём протяжении…»

– Куда ты, блин, лезешь! – Олег возмущённо просигналил красной «девятке», пытавшейся перестроиться в наш ряд.

«…В центре – плотное движение на Каменноостровском проспекте в обе стороны, забит Тучков мост на Васильевский остров, пробка на Троицком мосту, не проехать по Биржевому мосту, Стрелке и Дворцовому мосту в сторону центра, пробка на Невском проспекте от Фонтанки до Маяковской, на Садовой от Сенной в сторону Невского, стоит Гороховая к Адмиралтейству, площадь Восстания забита во все стороны…»

Как раз на площади Восстания мы и стояли, затёртые в месиве машин, пытающихся протиснуться в разных направлениях. Солодовников нервничал и поминутно глядел на часы – мы ехали смотреть помещение под офис нашей будущей фирмы и опаздывали.

– Платон, не успеваем… – безнадёжно сказал он и вновь начал судорожно сигналить очередному водителю, загородившему дорогу.

– Спокойнее, спокойнее, – на Олега было жалко смотреть, его нелюбовь к опозданиям была притчей во языцех. – Ты помни, что нервные клетки не восстанавливаются. Сейчас проедем площадь – и дальше помчимся с ветерком.

– Ох, не верю, – Олег скосил глаза на меня. – Лиговский в это время всегда забит. Думал же я, что надо было в объезд…

Бампер машины, стоявшей перед нами, вдруг начал отдаляться – сначала медленно, а потом всё быстрее. Солодовников хмыкнул и нажал на педаль акселератора. Мы проскочили площадь и оказались на неожиданно свободном Лиговском проспекте.

«…Это вся информация о ситуации на дорогах в нашем городе на текущий момент. Если обозначенные нами пробки вдруг перед вами рассосались – то сегодня ваш день».

Мой заметно повеселевший товарищ подмигнул мне, кивая на магнитолу. Я усмехнулся и пожал плечами.

– Ну чё, мужики, брать-то будете?

Мы осматривали помещение. Олег – с выражением глубокой задумчивости на лице, я – не в силах скрыть брезгливость.

Возможно, что обширная полуподвальная комната, претендующая на гордое звание нашего будущего офиса, ранее служила местом проведения симпозиумов районных бомжей. Их одеяния гармонично смотрелись бы в данном интерьере.

Может быть, в ней располагался штаб отряда по борьбе с грызунами и насекомыми. По крайней мере, этим можно было бы оправдать нескольких тощих тараканов, живописно шевеливших усами на стенах, и трупик крысы, расположившийся в балетной позе прямо у входа.

Не исключено также, что помещение было посвящено безусловно нужному делу санитарного благополучия дома и периодически служило местом хранения мусорных баков и заодно бесплатным общественным туалетом. На это намекал покрывавший пол неровный слой отходов различной консистенции, в природу которых мне вникать не хотелось.

В любом случае, даже при условии глубокого ремонта, представить здесь офис своей будущей компании я не сумел.

– Ну чё молчите, мужики? Нормальное помещение за смешные бабки. – Хозяин полуподвала, топтавшийся на улице у входа, вновь просунул пышное лоснящееся лицо в дверной проём.

– Да что-то дороговато за такое, – выдавил из себя Солодовников. – Вы мне по телефону его… гм… несколько иначе описывали.

– Не, ну дело ваше, конечно. Не нравится – не берите. У меня за такие деньги его с руками оторвут.

– Мы обязательно подумаем над вашим предложением! – вклинился в разговор я, решительно ухватив Олега под локоть и подталкивая к машине.

– Да, мы перезвоним вам… – пробормотал Солодовников.

Хозяин с недовольным видом махнул рукой и принялся закрывать железную дверь на висячий замок.

Первые пять минут мы ехали в полном молчании. Затем я попытался что-то сказать Олегу, но тот меня перебил, морщась, как от зубной боли:

– Платон, давай без комментариев. И так всё понятно.

Следующим пунктом нашей программы был офис в одном из дышавших на ладан НИИ недалеко от бывшего Политехнического института. До нужного здания мы добрались достаточно быстро, однако далее приключилась заминка.

Проходную, снабжённую устрашающего вида пропускным устройством типа «вертушка» охраняла хмурая бабуля. Едва мы приблизились, как вахтёрша просканировала нас ледяным взглядом и немедленно заблокировала вход.

– Пропуск есть? – грозно спросила она, исподлобья глядя на Олега.

– У нас там встреча назначена, – попытался объяснить мой товарищ, однако бабка, казалось, его не слышала.

– Пропуск есть? – повысила она голос. И добавила свистящим шёпотом, обращаясь к товарке, сидящей в соседней будочке: – Шляются тут…

Олег, обескураженный таким поворотом событий, отошёл в сторону от зловредной бабки и набрал номер человека, с которым он договаривался. Через несколько минут тот материализовался по ту сторону «вертушки» и усталым голосом вступил в перепалку с блюстительницей территории. Аргументы вахтёрши сводились к двум пунктам: «пропуска нет» и «ходют тут всякие», а несчастный арендодатель упрашивал её посмотреть в бумагах и напирал на то, что заявку на пропуск он подавал ещё утром. Наконец бабуля соблаговолила начать поиски пресловутой заявки, грозно зыркая и на нас, и на нашего провожатого. Однако я уже уверился, что ежедневного общения с доблестной охраной НИИ мне не выдержать. Многословно извинившись и сославшись на беспримерную занятость, мы ретировались в машину.

Едва мы отъехали от злополучного НИИ, я повернулся к коллеге:

– Олег, ты на какую сумму искал объекты?

Солодовников, одним глазом следя за дорогой, достал блокнотик и принялся перечислять отобранные помещения и расценки. Я рассеянно слушал. Мы проехали мост и повернули на набережную.

– Вот! – воскликнул я, показывая на огромный бизнес-центр, отливавший серебром стёкол. – Вот то, что нам надо!

Олег притормозил, оглядел здание и в удивлении воззрился на меня.

– А ты уверен, что это нам по карману? – Он пошарил глазами по фасаду в поисках объявлений о сдаче помещений. – Да и потом, здесь наверняка все офисы уже заняты.

– Ничего, я думаю, нам повезёт, и местечко найдётся, – подмигнул я.

Как я и предполагал, место действительно нашлось. И свободная площадь оказалась именно того размера, что мы искали. Администратор бизнес-центра скороговоркой перечислял условия договора аренды и всё удивлялся, как вовремя мы объявились – буквально утром один из арендаторов, снимавший у них помещение, сообщил о внезапном переезде.

Солодовников моментально схватил быка за рога и выцыганил у администратора скидку под соусом того, что им не пришлось искать нового арендатора, тратиться на рекламу и нести убытки от пустующих площадей. Подписание договора назначили на конец месяца – уезжающей компании было необходимо время на переезд, а нам требовалось завершить все формальности с регистрацией фирмы.

Олег с уважением поглядывал на меня, нимало не сомневаясь, что случайность со скоропостижным съездом прежнего арендатора – ещё одно следствие моего непрекращающегося везения. У меня же неведомо почему испортилось настроение, поэтому я отпустил Олега разбираться с юридической конторой по поводу регистрации, а сам решил побродить по городу.

Мой роман с Петербургом длился уже почти двадцать лет – с тех пор, как я ребёнком приехал сюда на экскурсию и понял, что этот потрясающий город однажды станет мне домом. Я испытывал к нему нежные чувства – и казалось, что город отвечает мне взаимностью. Во всяком случае, если в жизни что-то не ладилось или же я просто грустил – достаточно было погулять по улицам, подышать, пропитаться питерским воздухом. «И настроение моё – улучшилось», – процитировал я шёпотом и улыбнулся.

Я стоял на Троицком мосту и смотрел на чаек. Небольшая стайка металась вокруг детишек, кидающих куски хлеба. И лишь одна птица, не обращая внимания на кутерьму, раз за разом поднималась высоко в небо, стремительно падала оттуда почти до самой воды, а после играла с ветром, планируя против него и поглядывая на меня блестящим чёрным глазом.

Я помахал чайке рукой и пошёл в сторону Марсова поля, прислушиваясь к себе. Некоторую умиротворённость внутри я ощущал, но что-то по-прежнему было не так, что-то царапало сознание, как забытый дома включённый утюг.

Моё везение. Я понимал, что открывшаяся во мне способность давала необыкновенные возможности. Я осознавал это разумом, но радости не было. Как будто прикупил на распродаже мешок фальшивых ёлочных игрушек, которые выглядят, как настоящие, блестят, как настоящие, но – не радуют.

Может быть, это свойство человеческой психики – не радоваться, не осознавать сразу и полностью большие перемены к лучшему, произошедшие в жизни? Или же человечество здесь ни при чём, а все эти причуды исключительно мои?

Я медленно шёл по набережной канала Грибоедова. В угольно-чёрной воде плавало отражение Спаса-на-Крови. На деревянном мостике музыкант в потёртом вельветовом пиджаке выводил на саксофоне «Вальс-бостон».

Я вспомнил, как у меня появился первый компьютер, в подростковые мои годы, выпавшие на время перестройки. Это был обычный домашний «ZX-Spectrum» со смешным объёмом памяти, годный лишь на то, чтобы воспроизводить простенькие игры. Но для меня он являлся воплощением детских стремлений, недосягаемой мечтой. Я помню, как ходил в магазин, в котором – единственном в городе – продавался этот компьютер. Помню, как подолгу разглядывал серую коробочку с клавишами и пузатый монитор, стоившие немыслимых для ребёнка денег. Мне даже снилось по ночам, что это чудо – моё. А днями я вёл планомерную осаду родителей, убеждая их в безусловной необходимости домашнего компьютера.

И помню тот день, когда мы с отцом пришли совершать вожделенную покупку. Мечта осуществилась. Пока продавец оформлял документы и упаковывал заветный агрегат, я бродил по магазину. Я твердил себе: «Вот он, тот миг, в который исполнилась моя мечта. Что же я чувствую?» Я заглядывал в себя – и с удивлением обнаруживал лишь гулкую пустоту.

Радость была позже. И пришла она не огромной волной, смывающей всё на своём пути, а тоненькими приятными ручейками.

Может быть, то же самое происходит со мной и сейчас? Мне повезло так, как, наверное, не везло ещё никому в мире. Я столкнулся с чудом, оказался обласканным судьбой, научился творить такие вещи, о которых, будучи по натуре реалистом, ранее и не мечтал. Казалось бы, скакать надо от радости, а я бреду по осеннему городу, спокойный и печальный.

В Александровском саду дети, сняв обувь и завернув штанины, бегали у фонтана, смеясь и брызгаясь. Чинно ходили парами девушки, делая вид, что просто прогуливаются. Их намерения выдавали лишь быстрые взгляды на ворота Адмиралтейства, откуда периодически выходили подтянутые молодые курсанты.

Город жил, как и прежде. Его обитатели оставались всё такими же. И лишь я, как мне казалось, терял связь с реальностью. Мир, к которому я привык, мир, бывший таким осязаемым, незыблемым и понятным, вдруг начал терять краски и стал податлив, как пластилин. Я чувствовал, как что-то ускользает от меня, словно сон в первые мгновения пробуждения. И это не удержать. Остаётся лишь смутное ощущение потери.

«Платон всё это считает игрой», – говорил Олег в трубку, рассказывая жене о наших делах. Я случайно услышал обрывок разговора, и меня поразила обида, сквозившая в словах компаньона. Он поставил многое на меня и мои новые способности, он поверил и пошёл за мной, бросив прежнюю работу и прежнюю жизнь. А для меня всё это – что? Неужели и вправду лишь игра?

Я вышел на Невский, полный людей и потому похожий на ярмарочную площадь. Зачем-то заглянул в универмаг «Пассаж» и остановился у широкой витрины в отделе сувениров. За стеклом стояли игрушки с надписью «Привет из России» – небольшие стеклянные шары, в которых, если встряхнуть, начинал идти снег.

Я взял один из шаров и долго его рассматривал. Спросил продавщицу, нет ли у них таких же, но с тополиным пухом. Та засмеялась и сказала, что первый раз слышит об этом. Снег медленно падал на нарисованные пейзажи.

Зазвонил телефон. На экране отобразился номер Солодовникова.

– Платон, – бодрый голос Олега контрастировал со снежным мирком, живущим за стеклом, – я всё ещё у юристов, готовим документы по регистрации. Мы с тобой кое-что упустили. Как мы фирму-то называть будем?

Всё ещё держа перед глазами стеклянный шар, я ответил:

– Так и назови – «Снег».

– «Снег»? Хм… – Олег задумался. – Ну, пускай будет «Снег». Мы проверим по базе названий, если не сможем просто «Снегом» зарегистрироваться, то сделаем что-нибудь вроде «Корпорация Снег» или «Компания Снег», лады?

– Хорошо.

– И ещё. Платон, ты помнишь, что у нас сегодня назначены собеседования на секретарей? Я немного задержусь здесь, ты начни смотреть без меня.

Собеседование с кандидатами на вакантную должность – это, как правило, череда непрерывных разочарований. Ты видишь перед собой милых, в чём-то симпатичных тебе людей, ты понимаешь, что они очень хотят получить эту работу, что они стараются тебе понравиться, выделиться из общей массы. И в то же время ты раз за разом обманываешься в надеждах на то, что следующий кандидат будет как раз тем, кого ищешь.

Пожалуй, единственный раз, когда я с первых минут разговора понял, что передо мной тот, кого я искал, – это собеседование с Солодовниковым, пришедшим устраиваться в мой отдел. Остальные люди, принятые мною, были в той или иной мере компромиссными вариантами.

Я смотрел на женщину солидного уже возраста и пытался представить её на месте секретаря. Воображение беспомощно разводило руками, мол, хозяин, дай мне задачку полегче.

– Ну хорошо, – вздохнул я, – а копировальной техникой вы пользоваться умеете?

– Техникой? – Женщина теребила пакет, прижатый к груди. – Техникой я как-то не очень. У нас отец хорошо в технике разбирается.

– Понятно. А с какими программами планирования дня вы работали?

– Программами? – Она задумалась, словно что-то вспоминая. Потом обезоруживающе улыбнулась. – Скажите, пожалуйста, а разве это настолько важно, с какими программами я работала?

Я сделал удивлённое лицо, думая, как бы поскорее распрощаться с этой кандидаткой.

– Конечно, важно. Ведь нам нужен человек, который сможет планировать расписание встреч для руководителей, вести график совещаний, регистрировать контакты для менеджеров по продажам…

Женщина энергично закивала:

– Справится! Думаю, она с этим справится.

Я непонимающе поднял брови.

– Она у меня хорошая, добрая, – продолжила женщина скороговоркой. – В детстве очень работящая была, настоящая помощница. А умница какая, вы себе не представляете!

Женщина перестала терзать пакет на коленях, подскочила к двери и крикнула в коридор:

– Лидочка, доча, иди сюда! Ну иди же скорее, боже ж ты мой!

Через минуту передо мной предстала девица лет двадцати, сердито бурчавшая в ответ на реплики матери. Ярко и безвкусно накрашенное лицо девицы перекашивала недовольная гримаска.

– Я уж думал, что это вы пришли к нам устраиваться, – сказал я женщине, невольно улыбаясь.

Она смутилась:

– Нет, у меня работа есть… Нам хватает… Вот Лидочку бы ещё в люди вывести…

Я посмотрел на девушку. Она явно не горела желанием быть выведенной в люди. Вздохнув, я начал задавать вопросы заново.

Уже через несколько минут стало ясно, что подобный сотрудник мне не нужен даже даром. Из ответов Лидочки складывалось впечатление, что, придя на собеседование, она облагодетельствовала меня и мою компанию. И готова терпеть присутствие на работе за некоторое вознаграждение. При этом делать она умела немногое, а желание хоть чему-то научиться у неё отсутствовало вовсе.

Лицемерно пообещав обязательно подумать над кандидатурой Лидочки, я выпроводил маму с дочкой из кабинета. В приёмной уже ждала следующая кандидатка. Увидев, что пришла её очередь, девушка поднялась, одёрнула коротенькую юбочку и обворожительно улыбнулась. Её огромные серые глаза прострелили меня навылет. Предыдущие посетительницы неодобрительно глянули на конкурентку и, шёпотом переругиваясь, ретировались.

– Аглая, – голос кандидатки был неожиданно тоненьким, девчоночьим. Томности и хрипловатости, которые она старательно пыталась добавить, явно не хватало.

– Редкое имя, – я кивнул, приглашая девушку присесть.

Аглая отточенным движением опустилась на стул. Неторопливо расправив плечи, она повернулась в три четверти, явно считая этот ракурс наиболее для себя выгодным. Кинув на меня быстрый взгляд – произвела ли эффект? – девушка раскрыла ярко-красную сумочку и извлекла резюме, отпечатанное на цветном принтере.

Листы приторно пахли духами. Когда Аглая передавала их через стол, её рука предательски дрогнула. Девушка волновалась, хотя и пыталась скрыть это за маской светской львицы.

Я глянул в резюме. Солидную его часть занимали фотографии Аглаи в различных позах и нарядах, в том числе и весьма откровенных. Были даны подробные сведения об объёмах груди, талии и бёдер, росте, весе, цвете глаз, знаке зодиака и прочих вещах, более уместных в анкете брачного агентства. Прошлый опыт работы был описан кратко и туманно, а раздел, касающийся навыков и умений, отсутствовал вовсе.

Пока я изучал резюме, Аглая не сводила с меня тревожных глаз. Но стоило мне поднять голову, как она мигом соорудила взгляд, который должен был то ли сулить райское блаженство, то ли выражать интригующую загадочность.

Я едва не захохотал в полный голос – столько наивной искусственности было во взгляде девушки. С трудом скорчив серьёзную мину, я произнёс:

– Рассказывайте, Аглая.

– О чём? – Она усиленно улыбалась.

– О себе. Что знаете, что умеете, где работали, чем занимались.

В глазах девушки мелькнул испуг. Взяв себя в руки, Аглая принялась путано рассказывать о своём образовании и опыте работы. При этом она начисто забыла названия работодателей и, извинившись, забрала у меня резюме и стала зачитывать выдержки непосредственно из него. По ходу её рассказа я стал понимать, что многое из сказанного, если не всё, было просто выдумано.

В процессе повествования о своём трудовом пути она понемногу отодвигалась от стола, так что к концу её речи моему взгляду в полной красе предстали аппетитные бёдра, едва прикрытые тканью мини-юбки. Девушка явно делала ставку не на умение организовывать работу офиса или документооборот.

– Аглая, – сказал я как можно мягче, – как вы представляете себе работу офис-менеджера?

– Главное в работе офис-менеджера, – её тоненький голосок подрагивал, – это умение создать комфортные условия труда для руководителя компании.

– А если по-русски, более простыми словами? – Меня всегда раздражали округлые, неконкретные формулировки.

– Ну… – Аглая смутилась. Её лицо вдруг стало наливаться пунцовым цветом, как будто её в голом виде вывели на центральную площадь. – Ну… Вы разве сами не понимаете?

– Я-то понимаю, – ответил я, пытаясь сохранить каменную невозмутимость. – Мне нужен секретарь для того, чтобы координировать работу менеджеров по продажам, организовывать встречи в офисе и командировки, вести документооборот, планировать расписание дня руководителей, вести протоколы совещаний – и выполнять ещё много такой незаметной, но очень нужной для компании работы. Вы умеете это делать, Аглая? Вы сможете с этим справиться?

Девушка неуверенно кивнула. Я некоторое время помолчал, надеясь, что ей найдётся, что добавить. Наконец она пришла в себя и сказала:

– Я смогу научиться, если что-то не умею, – и вновь метнула в меня взгляд, полный завуалированных намёков и обещаний.

На этой мажорной ноте я распрощался с Аглаей, пообещав принять решение в течение недели.

Следующая кандидатка с первого взгляда показалась мне вполне вменяемой. Впрочем, иногда самое первое впечатление оказывается неверным.

– Расскажите, пожалуйста, что вы умеете делать, – попросил я её.

– Всё, – кратко сказала она и выжидающе посмотрела на меня.

– Абсолютно всё? – уточнил я.

– Абсолютно! – уверенно заявила она.

– Отлично! – Я улыбнулся. – Мне как раз позарез не хватает инженера по обслуживанию снегогенераторов второй категории мощности. Замечательно, что я нашёл в вашем лице такого универсального специалиста!

– Нет, – девушка нахмурилась, – про снегогенераторы я не знаю. Я же на секретаря пришла устраиваться.

Дверь отворилась, и вошёл Солодовников. Он жестами показал мне, что, мол, не отвлекайся, и сел на свободный стул.

– Ну хорошо, – продолжил я разговор с кандидаткой. – А что вы умеете делать из секретарской работы?

– Всё, – вновь произнесла она с уверенным видом.

– Хм… Ну хорошо. С какими системами документооборота вы сталкивались?

– Системами? – Девушка на мгновение задумалась. – С системами не сталкивалась.

– Тогда расскажите, как вы организовывали документооборот.

– Да как… – Она наморщила лобик. – А что его, собственно, организовывать? Всё и так работало.

– И документы всегда в срок подписывались? – поинтересовался я.

Девушка мотнула головой:

– Ну, не всегда…

– И не терялось ничего? – продолжал выспрашивать я.

– Терялось, конечно… – Девушка нахмурилась. – Ну, с документооборотом как-то я не сильно пересекалась, но зато всё остальное…

– Хорошо. Какие-нибудь программы планирования дня применяли?

Она задумалась, пытаясь что-то вспомнить, потом отрицательно покачала головой:

– Нет. Ничего, вроде.

– Может быть, Microsoft Outlook? – попытался я ей помочь. – Знакомы с такой программой?

– Первый раз слышу от вас. Наверное, что-то мудрёное?

– Да нет… – Я даже растерялся. – А с копировальной техникой работали когда-нибудь?

– С копировальной? Нет. Не работала.

– Факс отправлять умеете?

– Нет, не приходилось… Но могу попробовать.

– А как билеты забронировать на самолёт, знаете?

Девушка посветлела лицом:

– Знаю! Нужно поехать в аэропорт, там есть кассы.

Я грустно покивал:

– Ну да. Кассы там действительно есть… Спасибо, что пришли. Мы примем решение в течение недели и в случае положительного для вас результата перезвоним.

Когда дверь за кандидаткой закрылась, Солодовников, весь красный от сдерживаемого смеха, от души расхохотался.

– Ты знаешь, – сказал он, – мне это напомнило анекдот. Про секретаршу, которую на работу принимали, слышал?

– Расскажи.

– Секретаршу принимают на работу. Идёт собеседование, ну как у тебя только что, – он вытер выступившие от смеха слёзы. – И спрашивают её, мол, как быстро вы печатаете на машинке, сколько знаков в минуту? Она отвечает: «Тысячу». «Так много?» – удивляется интервьюер. «Да, – говорит она, – правда, такая ерунда получается!»

Я улыбнулся.

– Ну что, как успехи у тебя? Кроме этого чуда, – он кивнул на дверь, – был кто-нибудь достойный внимания?

– Никого, – я погрустнел. – То есть были ещё девицы, но всё мимо. Даже в качестве эксперимента никого из них я взять не могу.

– Плохо. – Олег стал серьёзным. – И это из той стопки резюме, что нам прислали, я выбрал всех, кто хоть как-то похож на то, что нам надо. Боюсь, что придётся платить агентствам.

– На сегодня ты больше никому не назначал?

Солодовников полез в блокнот, бросил взгляд на часы.

– В три ещё одна должна быть. Но это последний вариант.

– Значит, она просто обязана оказаться идеальной кандидаткой. Должно же нам повезти? – Я улыбнулся.

Ровно в три часа раздался стук в дверь.

– Войдите! – сказал Солодовников. Перед нами предстала молодая особа в подчёркнуто строгом и вместе с тем стильном деловом костюме, изящных очках и с аккуратной кожаной папочкой в руке. Густые чёрные волосы девушки рассыпались по плечам тысячами мелких колечек, что придавало ей вид вдохновенный и женственный, оттеняя строгость одежды.

Мы молча разглядывали последнюю кандидатку. Пожалуй, несколько очков в наших глазах она уже заработала.

– Меня зовут Ирина Кислицина, – произнесла она после небольшой паузы. – Спасибо, что нашли время обсудить мою кандидатуру на вакансию секретаря в вашей компании.

– Пожалуйста, – брякнул Олег.

«Приходите ещё», – чуть было не сказал я, но удержался и предложил девушке присесть. Она кивком поблагодарила меня, уселась и примостила папочку на стол перед собой.

– Ну что ж, рассказывайте, – выдал я любимую фразу, с которой, как правило, начинал все собеседования.

Ирина, не задавая дополнительных вопросов, достала из папки два экземпляра резюме и положила их передо мной и Олегом.

– Профессия секретаря для меня – это не стартовый этап, а то дело, которому я решила полностью себя посвятить, – начала она. – У меня два высших образования, филологическое и экономическое. Сейчас я учусь заочно на факультете психологии, что, конечно, никак не помешает моей работе. Кроме того, я закончила около полутора десятков различных курсов и тренингов, с полным списком которых вы можете ознакомиться в моём резюме.

Мы с Олегом послушно уткнулись в листочки перед нами. Девушка тем временем продолжала:

– Мой опыт работы пока не слишком велик по времени, однако включает в себя практически все аспекты секретарской деятельности. За последние пять лет я работала в двух компаниях, названия которых достаточно широко известны… У вас вопрос? – спросила вдруг Ирина, уловив что-то в выражении лица Солодовникова.

– Да, – с хитроватой улыбкой сказал Олег. – Вот у вас написано в названии должности на последнем месте работы: «Секретарь-референт». И чем же этот референт отличается от обычного секретаря?

Девушка мягко улыбнулась:

– Это просто. Референт, помимо выполнения обычных секретарских обязанностей, готовит для своего босса тезисы докладов, интервью и других материалов. В остальном эти две должности схожи.

Солодовников удовлетворённо кивнул.

– А почему вы уходили с предыдущих мест работы? – вступил в разговор я. – У вас были конфликты?

– Нет, – ответила Ирина. – Я вообще по характеру неконфликтный человек. Из первой компании я ушла вместе со своим начальником, которому предложили более высокий пост во второй. Что касается ухода с последнего места работы, то мой босс уехал работать в Америку, звал меня с собой, но я предпочла остаться в своей стране.

Я задумчиво помял подбородок и мысленно добавил девушке ещё несколько очков. Ирина, удостоверившись, что ответила на вопрос, продолжила:

– Я свободно говорю на английском и немецком, могу вести деловую переписку и поддерживать несложную беседу на французском и испанском. Неплохо воспринимаю и интерпретирую невербальные сигналы. Мой босс шутил, что я умею читать его мысли, – она улыбнулась. – Кстати, вот от него рекомендации.

Она положила перед нами ещё по листочку. Они были подписаны фамилией, периодически появлявшейся на страницах деловых газет и потому смутно мне знакомой. Солодовников же, гораздо лучше ориентирующийся в бизнес-тусовке города, удивлённо округлил глаза. Я поднял взгляд на Ирину и заметил, что она чётко отследила и мою реакцию, и реакцию Олега – и осталась удовлетворена произведённым впечатлением. Достав ещё несколько листов, она продолжила:

– Вот результаты моего тестирования. Психологический портрет, соционический тип, показатели креативности, IQ-тест, тест на стрессоустойчивость, тест на самоорганизацию…

– И как там у вас со стрессоустойчивостью? – спросил я. – Успешно сопротивляетесь? А то у нас предполагается весьма нервная работа с ненормированным рабочим днём.

– Я не сопротивляюсь стрессам. Я их просто не замечаю, – спокойно парировала Ирина. – Что касается рабочего дня, то он у меня, как правило, начинается за час до прихода босса и заканчивается через два часа после его ухода. Кроме того, мой мобильный телефон доступен всегда, поэтому вы можете рассчитывать на меня вне зависимости от времени суток или часового пояса, в котором находитесь.

Солодовников тем временем рассматривал результаты тестов.

– Неплохой коэффициент интеллекта, – задумчиво пробормотал он.

– Спасибо, – откликнулась Ирина. – Вместе с тем я всегда ставлю мнение босса выше своего, хотя готова что-нибудь подсказать ему в случае необходимости.

Олег с ухмылкой глянул на меня, мол, молодец девка. Я кивнул ему.

– Я могу организовывать бесперебойную работу отделов численностью от трёх до пятидесяти человек, умею планировать проекты в специальных программах и без них, составлять и контролировать выполнение графиков работы, вести базы контактов в CRM-модулях любых стандартных модификаций либо, при их отсутствии, в простейших офисных программных пакетах. Знакома с электронным и бумажным документооборотом, знаю основы трудового права и административный кодекс, имею налаженные контакты с поставщиками офисного оборудования, турфирмами, службами доставки, юридическими конторами и прочими необходимыми в работе сторонними организациями…

Я слушал Ирину и думал, что вопросом о копировальной технике обижать её я, пожалуй, не стану. Мне уже было понятно, что такие секретари в нашем городе встречаются не чаще, чем одна на десять тысяч. А может быть, и гораздо реже.

– Мне двадцать пять лет, я не замужем, у меня нет детей. Нет, я не планирую уходить в декрет, – улыбнувшись, сказала она, заметив лёгкое движение бровей Солодовникова. – По крайней мере, в ближайшие пять лет. Я считаю, что женщина должна начинать строить семью после тридцати, уже состоявшись в своей профессии.

Передо мной действительно сидела та, кто была нужна на этой должности. И по довольной физиономии Олега я видел, что он полностью с этим согласен. Мне не давал покоя только один вопрос.

– Ирина, а почему вы откликнулись на нашу вакансию? Если честно, мне кажется, что с вашими данными вы могли бы претендовать на аналогичную должность практически в любой компании.

Девушка улыбнулась чуть смущённо. Её ответ прозвучал немного другим голосом, не профессионально поставленным, а более тихим, искренним:

– Вы знаете, когда я увидела ваше объявление… Мне показалось, что продавать снег в нашей стране – это очень… необычная идея. И наверное, тот, кто это придумал, – весьма необычный человек…

Олег дружески толкнул меня в плечо.

– Да уж, господина Колпина сложно назвать обычным человеком. Особенно в последнее время, – он подмигнул мне. – Ну что, Платон, берём девушку?

– Берём, – кивнул я.

– Осталось согласовать детали, – весело сказал Солодовников. – Сколько вы хотите получать в месяц?

– Двадцать тысяч евро, – спокойно ответила девушка.

Олег замер с раскрытым ртом. Мы переглянулись.

Но тут начала смеяться Ирина:

– Вы же спросили, сколько я хочу получать, а не сколько я думаю, что вы сможете мне платить. Меня вполне устраивает та сумма, которую вы указали в объявлении. Иначе я бы и не пришла.

Олег с шумом выдохнул воздух. Я улыбнулся и подумал, что мы с Ириной сработаемся. Девушка мне нравилась всё больше.

На выходе из бизнес-центра меня настиг звонок мобильного телефона. Я достал трубку. На экране отобразился неизвестный мне номер.

– Здравствуйте, Платон Сергеевич, – произнёс смутно знакомый голос. – Вас беспокоит Кропотов.

– Кропотов?.. – Я пытался вспомнить, кто это.

– Государственная комиссия по расследованию крушения…

– Ах да, – в голове возник образ человека, напомнившего мне мультяшного персонажа, – мы с вами в Самаре общались, верно?

– Так точно. – Кропотов секунду помолчал, а потом продолжил мягким, слегка вкрадчивым голосом: – Платон Сергеевич, вы не могли бы сегодня к нам подъехать?

Я перебрал в уме планы на остаток дня. Ничего грандиозного у меня намечено не было.

– Куда подъехать?

– Не беспокойтесь, мы здесь рядом. Мостик переехать – и вы уже у нас.

Он назвал адрес. Ехать действительно было недалеко.

– А откуда вы знаете, где я сейчас?

– Работа у нас такая, – мягко ответил Кропотов после небольшой задержки. – Платон Сергеевич, я понимаю, вы занятой человек, но, право слово, хотелось бы обойтись без волокиты с повестками и прочим. Приезжайте прямо сейчас. Внизу скажите, что ко мне, вас проводят.

– Хорошо. Ждите.

В этом здании я не бывал ни разу. Массивные входные двери обнаружили за собой просторный мраморный холл, выполненный в мрачных серых и чёрных тонах. Среди огромных колонн и безукоризненно прямых углов каменных ступеней посетителям наверняка было неуютно.

Охранник выслушал меня, ощупал цепким взглядом и направил в нужный кабинет. Постучав в дверь, я заглянул внутрь. Кропотов, восседавший за широким столом, кивком пригласил меня войти и предложил присесть. В окружении ровных рядов папок мышиного цвета и унылой массивности старой мебели, он выглядел гораздо представительнее, чем в нашу первую встречу.

– Платон Сергеевич, – глаза следователя сжались в подозрительные щели и застряли в этом положении, – мне хотелось бы прояснить для себя некоторые детали. Не возражаете?

Я развёл руками:

– Раз приехал, видимо, не возражаю. Спрашивайте.

– Это хорошо, что вы сами приехали. Без применения, так сказать… Полномочий.

Он взял театральную паузу, буравя меня узкими щёлками глаз. Я молча ждал продолжения. За приоткрытым окном дышал автомобильным шумом Литейный проспект.

Молчание затягивалось. Я непроизвольно посмотрел на часы. Кропотов, заметив моё движение, сжал губы и достал из серой папки, лежащей на столе, несколько исписанных листов.

Следующие полчаса он скрупулёзно зачитывал наш диалог, состоявшийся при первой встрече. Я подтверждал написанное, иногда корректируя формулировки своих ответов. Следователь кивал и вносил правки.

Расправившись с этим, Кропотов достал листок с подколотыми фотографиями и попросил меня на них взглянуть. Приглядевшись к изображению, я с трудом узнал в грязных клубах ткани парашют, спасший мне жизнь, и подтвердил это следователю. Тот продемонстрировал мне изображения полуразмытых следов на глинистой почве. Я сказал, что это вполне могут быть отпечатки моих подошв.

Кропотов сложил фотографии и захлопнул папку.

– Итак, – произнёс он почти торжественно, – вы признаёте, что это вы совершили прыжок с использованием изображённого на фото парашюта из самолёта Ту-134, бортовой номер 59136, следующего рейсом номер ПЛ159 из Санкт-Петербурга в Самару?

– Я этого никогда и не отрицал. – Однообразные вопросы начинали утомлять. – Вы меня только для этого пригласили?

Кропотов откинулся в кресле, разглядывая меня сквозь прищур. На его губах играла лёгкая улыбка. Внезапно он подался вперёд, резко приблизив лицо ко мне.

– Откуда у вас деньги, гражданин Колпин? – резко выдохнул он.

Его бросок вперёд был столь неожиданным, что я слегка опешил.

– Откуда у вас взялось столько денег? Отвечайте! – В голосе Кропотова лязгнул металл.

Я взял себя в руки. Несколько секунд колебался, не спросить ли, какие деньги он имеет в виду. Потом решил, что только потеряю время. Пожал плечами и сказал как можно более небрежно:

– Выиграл в лотерею. Повезло.

– В лотерею?! – Голос следователя сорвался в змеиное шипение. – В лотерею, говорите?

Я кивнул, стараясь быть спокойным.

Кропотов вновь откинулся в кресле, расстегнул пуговичку на воротнике. Шея его раскраснелась. Он помассировал себя в области затылка и заговорил неожиданно спокойным голосом:

– Забавный вы человек, Платон Сергеевич. Смотрите, как интересно у нас получается. Разбивается по невыясненным причинам самолёт. Из всех находившихся на борту людей у одного вдруг оказывается парашют. И он совершает прыжок. Ни разу, заметьте, до этого не прыгав. Из гражданского, заметьте, лайнера, не приспособленного к тому, чтобы с него десантировались люди. Человек этот не размазывается набегающим воздухом по крылу самолёта, не попадает прямиком в двигатель, не задыхается в разреженной атмосфере, не замерзает там, наверху. Человек этот благополучно приземляется в безлюдном районе и по земле добирается

до нужного ему города. Самолёт разбивается, люди гибнут, а наш счастливчик вскоре после этого вдруг получает значительную сумму денег, которая проводится как выигрыш в лотерею. Он открывает на эти деньги собственную фирму и живёт припеваючи.

Кропотов неотрывно смотрел мне в глаза. Потом медленно закончил свою тираду:

– Не кажется ли вам странным такое развитие событий? Не слишком ли много совпадений?

Я молча переваривал услышанное. Раньше мне и в голову не приходило посмотреть на своё везение в подобном разрезе.

– Кажется, – наконец сказал я. – Мне тоже кажется всё это странным. Тем не менее всё произошло именно так. Всего лишь цепь случайностей и везения.

– Случайностей? – Кропотов округлил глаза и уставился на меня с комичным удивлением. – Везения? Платон Сергеевич, мы же взрослые люди. Давайте не будем делать вид, что верим в сказки. Рассказывайте, как всё было на самом деле. – Он демонстративно подвинул к себе лист бумаги и взял в пальцы авторучку.

– Я уже рассказал вам правду.

Следователь взвился:

– Правду?! Правду вы мне рассказали?! – Он отбросил ручку и рванул на себя ящик стола. Через мгновение передо мной оказалась фотография. – Вот вам правда! Знакомо личико-то?

Я уставился на фото. С серого некачественного снимка смотрело лицо неизвестного мне кавказца с аккуратной бородкой.

– Беслан Мураев. Знакомы? – Кропотов испытующе сверлил меня глазами.

Я лишь покачал головой.

– Банда Мураева взяла на себя ответственность за гибель самолёта. Их «Кавказ-центр», захлёбываясь от радости, уже которую неделю кричит об этом. А исполнителем теракта были вы, гражданин Колпин. Получив за свои кровавые услуги более десяти миллионов рублей. – Кропотов говорил быстро, выплёвывая обвинения в мой адрес без тени сомнения. – Нам пока непонятен способ, которым вы вывели самолёт из строя, но мы докопаемся до истины, не сомневайтесь. Бортовые самописцы обнаружены, сейчас ведётся расшифровка записей.

Я встал, не в силах выносить ядовитый тон следователя.

– Бред, – сказал я прямо в его раскрасневшееся лицо. – Я не знаю, что произошло с самолётом, но никакого отношения к этому я не имею. У вас нет никаких доказательств. И быть не может.

Следователь вскочил, опираясь руками на стол. Он конвульсивно сжимал и разжимал кулаки.

– Полагаю, я могу быть свободен? – спросил я.

Кропотов махнул в сторону двери и процедил, сделав ударение на первом слове:

– Пока свободен.

5

В Петербурге нет хороших кедровых орехов. То есть долгое время я вообще не встречал в продаже это своё любимое сибирское лакомство. Но однажды я нашёл его в одном из супермаркетов. Полный воспоминаний о свежих, пузатеньких орешках, пахнущих смолой и теплом печи, я купил объёмный пакетик и в тот же вечер сгрыз всё его содержимое. Увы, подгнившие кедровые орехи в жёсткой скорлупе мало напоминали то, к чему я привык в детстве. И оставляли во рту ощущение тухлости.

Примерно такое же послевкусие я испытывал несколько дней после разговора со следователем. Постепенно оно перешло в предчувствие новых неприятностей. В душе мне хотелось надеяться, что Кропотов оставит меня в покое. Но что-то мне подсказывало, что слишком уж не по вкусу моя история этому человеку, похожему на мультяшного шакала. Я ждал продолжения.

Поэтому, когда внезапно позвонил обычно молчащий офисный телефон, я напрягся, отложил в сторону рабочие документы и поднял трубку. Звонок, впрочем, оказался совсем не страшным – курьер из службы экспресс-доставки просил меня спуститься в вестибюль бизнес-центра, забрать пакет и расписаться в получении. Я пытался зазвать курьера наверх, в наш офис, или послать вместо себя кого-нибудь другого, но мальчик настаивал на том, что нужна именно моя подпись, а подниматься непосредственно в офис ему запрещают корпоративные правила. Я раздражённо повесил трубку, накинул пиджак и спустился вниз.

В вестибюле никакого курьера не оказалось, зато прямо у лифта меня встретили два милиционера в форме, которые вежливо попросили показать документы. Рядом нарисовался и неприметный человек в штатском. Он как бы ненароком встал таким образом, чтобы пресечь мою возможную попытку ретироваться в лифт.

Я достал паспорт и протянул его одному из милиционеров. Тот задумчиво полистал документ, вернул мне и произнёс:

– Гражданин Колпин, прошу проследовать с нами.

Сердце гулко стукнулось в грудную клетку.

– А в чём дело? – Мой голос почему-то осип.

– Не волнуйтесь, ненадолго задержим вас до выяснения обстоятельств.

Милиционер разговаривал спокойно и доброжелательно. Его товарищ, стоявший рядом, смотрел сквозь меня с сухой безразличностью. И лишь человек в штатском позади нервно дышал.

Не размениваясь на дальнейшие разговоры, милиционеры осторожно, но настойчиво подхватили меня под локти и повели к выходу. Охранник бизнес-центра в красивой форменной фуражке с интересом наблюдал, как меня уводят.

Мы спустились по ступеням и направились к старенькому жёлто-синему «уазику», гордо стоящему на VIP-парковке в окружении блестящих туш дорогих автомобилей. Второй милиционер, так и не проронивший ни слова, отпер дверь в задней части «уазика» и взглядом указал, что мне нужно лезть в грязный железный отсек. Видя, что я оторопело замер, он аккуратно подтолкнул меня, и я, сделав несколько неловких движений, очутился внутри машины.

Дверь захлопнулась, в замке повернулся ключ. Сквозь маленькое пыльное окошко, забранное решёткой, я увидел человека в штатском. Он сказал несколько слов милиционерам и направился в сторону, уйдя из поля моего обзора. Остальные участники моего задержания сели в кабину. Машина завелась, невнятно зашипела рация.

Я, наклонившись, стоял на полусогнутых ногах, не в силах заставить себя сесть на заплёванные железные скамьи, расположенные по обеим сторонам отсека. Однако когда машина

тронулась, я был вынужден сначала сесть на корточки, а после – примоститься на скамейке, показавшейся мне наименее отталкивающей из двух.

Я ехал и пытался вспомнить, за что и на сколько меня могли задержать по закону. Однако теоретические знания, которые, как кажется, никогда тебе не понадобятся, редко задерживаются в голове. Я не мог даже представить себе, что мне потребуется знать, законно ли меня задерживает милиция.

В кабине оживлённо разговаривали, однако кроме невнятного «бу-бу-бу», изредка прерываемого шипением рации, ничего не было слышно. Слегка уняв разброд в голове, я сообразил, что мобильный телефон всё ещё при мне, и набрал номер Солодовникова.

Олег знал об интересе органов к моей персоне, поэтому информацию о том, что я еду в машине с решёткой, воспринял быстро и серьёзно.

– У них на меня ничего нет, – говорил я в трубку, подпрыгивая на ухабах вместе с «уазиком». – И не может быть.

– Так-то оно так, – задумчиво отвечал Солодовников, – однако, скорее всего, санкцию на твой арест этот следователь всё-таки получил… Нет, конечно, может быть, это всего лишь недоразумение. Или что он пытается тебя запугать. Но я бы пока готовился к худшему варианту развития событий.

– Как мне себя вести-то с ними? Что говорить?

– Лучше вообще поменьше говорить. И внимательно читай всё, что тебе дают подписывать. Я свяжусь сейчас со знакомыми юристами, расспрошу их. Найдём какого-нибудь человечка, близкого к органам. Организуем внятного адвоката.

– Олег, ты думаешь, всё так серьёзно?

– Я не знаю, Платон, – в его голосе я уловил неуверенность. – Не хочу тебя пугать, но ты же понимаешь, в нашей стране возможно всё. Держись там, а я со своей стороны сделаю всё, чтобы тебя вытащить, если понадобится.

– Спасибо, Олег. Телефон при мне, так что я пока на связи. Звони, как что разузнаешь.

Телефон, впрочем, оставался при мне недолго. «Уазик» привёз меня в отдел милиции, где хмурый сержант, составив опись, изъял мои личные вещи, деньги и документы. Затем, проверив карманы и тяжело оглядев меня с ног до головы, жестом попросил снять ещё и брючный ремень. Я повиновался.

Мои вещи он сложил в полиэтиленовый мешок, затем достал сероватый бланк и размашистым почерком записал в него всё изъятое, отдельно указав сумму денег в бумажнике. Я находился в странном отупении, поэтому даже если бы сержант что-то украл, то не сказал бы поперёк ни слова. К моему вялому удивлению, никаких попыток забрать хотя бы часть денег он не предпринял.

Оставив опись на столе, сержант цепко схватил меня за плечо и подвёл к огромной решётке, заменявшей стену грязному помещению, открыл дверь и протолкнул меня внутрь. После, не говоря ни слова, спокойно запер замок и пошёл обратно.

– Эй, – крикнул я ему в спину, – а мне кто-нибудь объяснит, что происходит? За что меня задержали?

Тёмно-серая милицейская спина осталась безучастной. Сержант, голоса которого я так и не услышал, удалился. Я с отстранённым любопытством подумал, могут ли на работу в милицию взять глухонемого. И сам себе мысленно ответил, что это маловероятно.

Я оглядел помещение. В памяти, откуда-то из отрывками виденных серий «Бандитского Петербурга» всплыло слово «обезьянник». Голые серые поверхности, решётка вместо одной из стен, тусклый свет, вмурованная в бетон железная скамья по периметру. Грязный мешок в углу. От него ощутимо тянуло гнилью.

Я подтянул брюки – лишившись ремня, они всё время норовили сползти. Сел у противоположной мешку стены.

Где-то за углом звонил телефон, хлопала входная дверь отделения. Жизнь, ещё час назад кипевшая вокруг, вдруг разом осталась в стороне. Я же очутился в застывшем воздухе клетки, ошеломлённый и беспомощный. И несколько отстранённый. Было ощущение, что всё это происходит не со мной, что я всего лишь наблюдатель, с усталым интересом пытающийся угадать свои дальнейшие действия.

Я смотрел на себя со стороны и удивлялся. Внутри росло подозрение, почти уверенность, что по отношению ко мне творилось что-то неладное. Конечно, я не читал соответствующих законов, но понимал, что просто так взять человека среди бела дня, увезти его с работы и посадить в клетку, не объяснив ничего – нельзя. Да, с кем-то происходило подобное, но мне казалось, что если такое случится со мной, то уж я-то не допущу подобного к себе отношения. Однако, ещё раз прокрутив в голове только что произошедшие события, я так и не понял, как было бы правильнее вести себя в подобном случае. Милиция действовала очень чётко и быстро, и мне оставалось только подчиниться. Оказывать противодействие было бы себе дороже – впоследствии Кропотов или кто-то ещё, кто будет вести дело, не найдя доказательств моего участия в терроризме, мог бы запросто поставить мне в вину сопротивление при задержании.

Я мысленно похвалил себя, что не сорвался, как это иногда со мной случается. Вместе с тем некоторая оторопь от самого себя оставалась. Ведь внутри мне не было по-настоящему страшно от происходящего, скорее, я испытывал какое-то нездоровое любопытство. С другой стороны, биться головой о решётку, может быть, и было бы проявлением гражданского протеста, однако вряд ли привело бы к чему-нибудь, кроме разбитой головы. Да и никакой вины в гибели самолёта за мной на самом деле не было, поэтому едва ли мне смогут что-то предъявить. Скорее всего, Кропотов пытается надавить на меня, запугать.

Мешок напротив вдруг пошевелился. Как по волшебству, в нём возникли два глаза, уставившиеся на меня. Я вздрогнул и осознал, что в тусклом свете принял за груду мешковины человека, ничком спавшего на скамье.

Человек вполголоса выматерился и приподнялся на локте, глядя на меня. Выглядел он типичнейшим бомжом, из тех, кого можно встретить на любой помойке. Колыхание воздуха, вызванное движениями узника, принесло запах, подтверждающий мои догадки.

Я опять не удержался от взгляда со стороны и мысленно усмехнулся контрасту между моим деловым костюмом и рубищем того несчастного, что расположился напротив. Мой визави между тем поднялся и сел, прислонившись спиной к стене.

– Слышь, э?.. – попытался он начать беседу, сделал взмах рукой и молча уставился на меня, видимо, не зная, как продолжить.

В коридоре послышались шаги. Давешний сержант громыхнул ключами и, обретя, наконец, голос, произнёс:

– Колпин, на выход.

Я с облегчением поднялся. Сержант запер за мной дверь, вновь оставив бомжа в одиночестве, и проводил меня в крохотную пустую комнату. За столом сидел уже хорошо знакомый мне следователь Кропотов.

Увидев меня, он осклабился, потом поблагодарил сержанта и отпустил его. Я молча уселся на единственный свободный стул.

– Платон Сергеевич, дорогой, вот мы и встретились снова. Несколько быстрее, чем вы предполагали, верно?

Кропотов демонстрировал хорошее настроение и уверенность в своих действиях, отчего мои мысли сразу приобрели мрачные тона. Было непохоже, что меня просто решили попугать.

– Ну как, вы ещё не надумали что-нибудь нам рассказать? – Мультипликационная ухмылка следователя уже не казалась смешной.

Я мрачно качнул головой:

– Я рассказал вам всё, что знаю. Это вы лучше скажите, на каких основаниях меня задержали.

– Ну, нет так нет, – Кропотов, казалось, был готов к такому ответу. – Ну ничего, у вас будет много времени, чтобы поразмыслить. Может быть, вспомнить что-нибудь. А что касается формальностей – вот, подпишите. Это как раз основания для задержания.

Он положил на стол лист бумаги. Строчки заскакали у меня перед глазами. Сделав усилие, я прочёл, что задерживаюсь на основании подозрения по делу о взрыве того самого злосчастного самолёта. Внизу стояла виза прокурора и была графа для моей подписи.

– Я не буду… – Мой голос неожиданно дрогнул. Мне пришлось прокашляться. – Я не буду ничего подписывать.

– Ну что вы как маленький, в самом деле! – Кропотов округлил глаза и растянул рот в улыбке. – Это же пока не признание, Платон Сергеевич! Вы ознакомились с документом? Вот и подпишитесь в графе «Ознакомлен».

Я не знал, как поступить, и он продолжил, улыбаясь ещё шире:

– Ну или мне придётся вызвать двух понятых, которые засвидетельствуют, что с документом вы ознакомлены, но подписать его отказались. Сушинский! – гаркнул он, приоткрыв дверь.

Немедленно нарисовался хмурый сержант, которого я давеча принял за глухонемого.

– Сушинский, кто там у вас в обезьяннике, двоих понятых наберёте?

– Двоих не будет. Но на улице сейчас возьмём кого-нибудь…

Я махнул рукой и, пробежав документ глазами ещё раз, подписался. Кропотов, жестом отпустив сержанта, спрятал подписанный мною лист и с видом фокусника достал следующий.

– Так. А это у нас постановление о привлечении в качестве обвиняемого.

Я прочёл текст на листе и вновь поставил подпись в графе «Ознакомлен». В висках начало глухо стучать.

Кропотов, сияя, спрятал второй документ и, улыбаясь всё шире, положил передо мной третий:

– А это, дорогой Платон Сергеевич, постановление о применении к вам меры пресечения в виде взятия под стражу. Тоже подпишитесь, вон там, где написано, что вы ознакомлены. И дату не забудьте поставить.

В висках стучало всё сильнее, окружающий мир вдруг стал темнеть. На тёмно-сером листе почти не было видно чёрных строчек.

– Ну не волнуйтесь вы так! – Следователь заметил моё состояние. – Сделанного уже не воротишь, но облегчить свою участь вы ещё вполне в силах. Вот вам чистый лист, на нём можно написать признание. Только сначала подпишитесь, что ознакомлены с постановлением о мере пресечения.

Я, почти не глядя в текст, подписался. Кропотов удовлетворённо спрятал документ и подвинул ко мне чистый лист:

– Пишите.

– Что писать? – тупо спросил я. Темнота в глазах понемногу проходила, но мысли ворочались тяжело.

– Пишите всё, как было. Как подготавливался теракт, кто был организатором, всё подробно, с фамилиями, адресами, телефонами.

Я в отчаянии положил ручку на стол.

– Я вам уже всё рассказал! Никакие теракты я не готовил, никакие самолёты не взрывал! Неужели это до сих пор не понятно? Что вам от меня нужно? – Я почти сорвался на крик, пытаясь сбросить навалившееся напряжение.

Кропотов сжал губы в тонкую белую чёрточку и глянул на меня глазами-щелями:

– Платон Сергеевич, вы, наверное, ещё не поняли. Вы обвиняетесь по статье двести пять, часть третья. Это от пятнадцати лет до пожизненного заключения. Если будете упорствовать, то получите по полной, пожизненно, это я вам гарантирую. Если же прекратите свой цирк, напишете признание, назовёте сообщников, то получите пятнашку, часть которой потом скостят по амнистии или поведению. Отсидите лет семь-восемь, выйдете – вся жизнь ещё впереди. А так – сгниёте в тюрьме. Навсегда.

Я попытался сглотнуть. В горле было сухо. Какой-то частью сознания я понимал, что доказательств моей вины у него быть не могло, именно поэтому он так настаивает на признании. Но документы о задержании были реальными, значит, по крайней мере, сейчас я находился в их власти. И мне стало страшно. По-настоящему страшно.

– Я требую адвоката, – выдавил я из себя.

Кропотов откинулся на стуле и спокойно произнёс:

– Ваше право. Будет вам и адвокат. Всё ещё будет. Но советую глубоко задуматься о том, что я сказал.

Впрочем, обещание встречи с адвокатом никто не спешил выполнять. Так как телефон у меня изъяли, я не мог связаться с Солодовниковым и узнать, сумел ли он что-нибудь сделать. Мучимый неведением, страхами и бытовыми неудобствами, я просидел в обезьяннике отдела милиции почти до вечера.

За это время мешковатого бомжа увели, а моими соседями попеременно оказывались личности разных национальностей, поведение которых не отличалось разнообразием – они либо тихо сидели у стены, либо переговаривались на своих непонятных языках. После обеда всё тот же сержант привёл трёх футбольных фанатов – подростков, разрисованных «зенитовской» атрибутикой. У одного из них была рассечена бровь. Не обращая на меня особого внимания, они взахлёб обсуждали подробности только что произошедшего «боя» с болельщиками ненавидимой ими московской команды. Поневоле следя за их эмоциональной беседой почти полтора часа, я так и не услышал ни слова о самом матче. Казалось, что околофутбольные разборки занимали их гораздо больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.